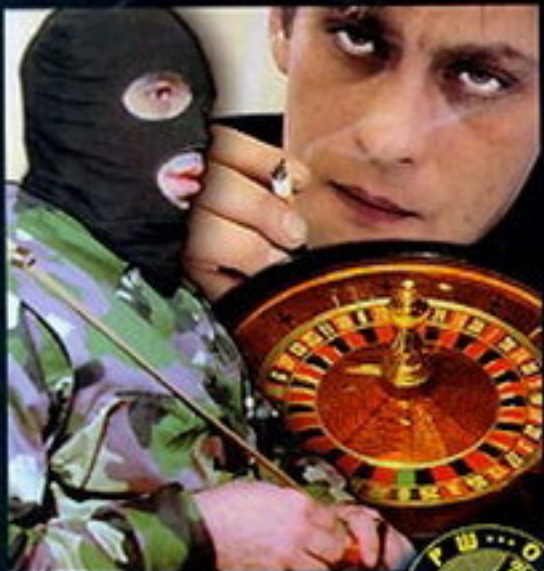

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*...И дай умереть
другим*

Фридрих Евсеевич Незнанский

... И дай умереть другим

Серия «Марш Турецкого»

From FIDO

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137470

... И дай умереть другим: АСТ, Олимп; Москва; 2000

ISBN 5-17-001036-2, 5-7390-0679-1

Аннотация

Они бежали из лагеря – группа осужденных пожизненно, звери, бегущие из клетки. Они рвались к свободе, оставляя за собой кровавый след. Они убивали так жестоко, как не убивали еще никогда, – убивали, чтобы жить. И был среди них один – тот, на поиски кого брошены были лучшие силы закона. Почему именно он? Для кого он опасен? Этот вопрос не давал покоя ёважнякуё Турецкому. Вопрос, на который надо было успеть найти ответ. Успеть, пока не поздно...

Содержание

Пролог	5
Часть первая.	14
УСТАНОВКА НА ИГРУ	14
ТУРЕЦКИЙ	16
ГРЯЗНОВ	20
ПРИГОВОРЕННЫЙ	42
ГРЯЗНОВ	46
ПРИГОВОРЕННЫЙ	47
ГРЯЗНОВ	48
ПРИГОВОРЕННЫЙ	49
ГРЯЗНОВ	51
ПРИГОВОРЕННЫЙ	55
ГРЯЗНОВ	58
ПРИГОВОРЕННЫЙ	60
РЫБАК	66
ГРЯЗНОВ	67
РЫБАК	76
ГРЯЗНОВ	81
РЫБАК	86
ТУРЕЦКИЙ	93
РЫБАК	96
ТУРЕЦКИЙ	99
ГРЯЗНОВ	104

РЫБАК	108
ГРЯЗНОВ	113
РЫБАК	120
Часть вторая.	121
ПЕРВЫЙ ТАЙМ	121
ТУРЕЦКИЙ	122
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Фридрих Евсеевич Незнанский ... И дай умереть другим

Пролог

Вода из душа еле лилась, но спасибо и на этом после томительной недели в одиночной камере.

– Кто-нибудь к тебе уже приставал?

– Чего?!

Растирая куцей мочалкой красную шею, Рыбак с недоумением обернулся на писклявый голосок. Рыжий двухметровый детина ласково улыбался и тянулся потрепать Рыбака по плечу. Тот отшатнулся и, потеряв равновесие на склизком полу, неловко взмахнув руками, толкнул рыжего в грудь. Рыжий, поскользнувшись в свою очередь, тоже рухнул.

Полтора десятка заключенных, до того пытавшихся максимально использовать жиденькие струйки, имитировавшие душ, приостановили этот жизненно важный процесс и с интересом уставились на двух здоровых голых мужиков, стоявших на коленях друг против друга.

– Кто-нибудь к тебе уже приставал? Кто-нибудь тебя уже... того? – объяснил рыжий тем же детским голосом. –

Здесь, дорогуша, всем нужны друзья. Я бы мог быть твоим другом. – Его физиономия выражала самые интимные чувства.

– Ответь «сестричке», – сказал кто-то. – Не томи душу. Это некрасиво.

И Рыбак от души ответил, на секунду забыв о разнице в массе. «Сестричка» снова распластался на полу.

– Недотрога! – с восторгом пропищал он. – Обожаю недотрог!

Каменная клетка три на два с половиной метра. Квадратный кусочек неба в стене под потолком. Три вертикальные решетки и две горизонтальные.

Рыбак лежал в своей камере на застеленной койке (серьезное нарушение дисциплины) и ехидно улыбался (тоже нарушение), глядя в потолок.

Со дня на день он ждал ответа Верховного суда на свою апелляцию. Несмотря на то что Рыбак не считал себя большим оптимистом, сомнения относительно положительного решения у него были незначительны. Ну и что с того? Не могло же все закончиться вот так?! Да так просто не бывает... Ну, может, и бывает, в страшных фильмах там, в скверных книгах, кошмарных снах. Но только не с ним. Уж он-то отсюда вырвется. И потом, спрашивается, зачем же тогда его водили мыться, если все кончено?!

Рыбак представил себе растерянные физиономии прокурора и этого олуха – его адвоката. «Ну, Антон, ты даешь», –

неловко выговаривает адвокат.

Он проснулся от резкого окрика. В камере стоял уже хорошо знакомый ему молодой контролер и еще какой-то надушенный мужчина в классическом сером костюме.

– Рыбак! – рявкнул контролер. – Почему постель не убрана? В карцер бы вас...

Рыбак, по-дурацки улыбаясь, вскочил на ноги, догадавшись, с какой целью они пришли. Что за новость ему сейчас сообщат. Адвокат, скотина, так и не приехал.

– В карцер бы вас за этот бардак. Да какая разница, – неожиданно сбавил тон контролер.

Чиновник в сером костюме открыл папку:

– Заключенный Рыбак. Верховный суд отказал вам в апелляции. И не нашел оснований для амнистии. Приговор о двадцатилетнем заключении в колонии строгого режима остается в силе. Для исполнения приговора вы будете отправлены в... Скажи спасибо, что у нас в России мораторий на смертную казнь.

Рыбак еще раз глупо улыбнулся. И все вдруг куда-то провалилось.

Рядом с ноги на ногу переминался толстяк. Вслед за ним с такими же потухшими глазами стояли еще четверо.

Рыбак подумал, что оказался прав, полагая, что весь этот дурдом скоро закончится. Кончится баланда, маленький квадратик неба под потолком, постоянный рев контролера, – все кончится.

Шесть человек под дулами автоматов стояли с заведенными за спину руками. Сперва на ноги надевали кандалы, соединенные между собой тонкой цепочкой длиной пятнадцать сантиметров.

Щ– щелк! Охранник затянул у Рыбака сзади на поясе ремень.

Усатый конвоир, принимающий группу заключенных, которых через несколько минут он повезет из изолятора Бутырок в место недолгого там пребывания, взял пачку личных дел, в которых первые страницы составляли приговоры и фотографии зеков – анфас и профиль.

– Федоренко!

– Здесь.

Дзинь. От пояса между ног Рыбака охранник опустил цепочку, которую соединил с браслетами, еще прежде зафиксировавшими щиколотки.

– Степанцов!

– Здесь.

Клац. На запястьях сошлись наручники.

– Рахманин!

– Да.

– Зубрицкий!

– Я.

– Бондарь! Бондарь!

– Что?! – заорал толстяк.

– Бондарь, веди себя прилично, будь паинькой. Рыбак!

– Да.

Усатый конвоир захлопал себя по карманам:

– Черт, писалку посеял.

Один из контролеров протянул ему ручку. Усатый расписался, где было нужно, захлопнул журнал, вернул ручку и гортанно выдохнул:

– Всем направо. И вперед!

Шестерка, позвякивая металлом наручников и цепей, медленно повернулась и побрела к лестнице, поднимающей их из подвального уровня на землю. Рыбак в этой колонне оказался первым. И он не видел, как толстяк Бондарь оглянулся и подмигнул идущим сзади.

– Шестеро выходят! – крикнул конвоир куда-то вперед.

Еще один голос, контролера у дверей, подтвердил:

– Заключенные выходят.

Рыбак миновал дверь и оказался на внутреннем дворе. Он задрал голову вверх и остановился. Небо было сиреневым. Это утро или вечер?

Рыбака подтолкнули вперед. В десяти метрах от него стоял бронированный микроавтобус «мерседес». Окна у него были только в водительской кабине, защищенной от салона массивной металлической сеткой. Впрочем, в ней была врезана запертая дверь. Рыбак подумал: открывалась ли она когда-нибудь – это большой вопрос.

Возле автобуса стояли два автоматчика и немецкая овчарка. Мелкими шажками из подвала потянулись зеки. Усатый

конвоир пробурчал: «За мной!» – и первым влез в кабину к водителю, отдавая короткие команды, кому куда садиться в салоне:

– Федоренко сюда. Степанцов впереди. Рахманин дальше. Зубрицкий. Рыбак за Бондарем. – Он снова пошарил по карманам: – Черт, любимую писалку потерял.

Спиной к водителю, лицом к заключенным сидел еще один конвойный. На коленях у него лежал укороченный автомат Калашникова.

Один из автоматчиков закрыл дверь снаружи. Послышался лязг – это открывали ворота внутреннего двора. И одновременно автобус качнулся с места и живо выкатился на дорогу.

– Смотри-ка, торопятся, мать их, – удивленно пробормотал толстяк Бондарь. – Прикиньте расклад. В три часа ночи раздается в доме звонок. Хозяин долго просыпается, наконец встает, открывает входную дверь. А там – неказистый такой мужичок в скромненьком пальтишке. Хозяин спрашивает: «Чего надо? Ты кто вообще?» А мужичок: «Я – п...ц». Хозяин, все еще не проснувшись, говорит: «Ну и что?» А мужичок тихо так отвечает: «А все...»

Через пятьдесят минут молчания и пути что-то произошло. Рыбак понял это, когда, посоветовавшись, охранники разрешили водителю остановить автобус. Усатый конвоир открыл дверь со своей стороны и, потеснившись, пустил возбужденного мужчину лет тридцати пяти.

– Спасибо, мужики, подбросьте до Скоморохова, я уже думал, до утра буду возле своей тачки куковать, вот ведь не вовремя поломался, и масло кончилось, ночь на дворе, а я поломался, вот ведь не вовремя, а в Скоморохове у меня шурык с маслом, буксиром и инструментами, спасибо, мужики, я уж в накладе не... – Тут он глянул в салон и осекся. На него безо всякого любопытства смотрели шестеро мужчин с потухшими глазами.

– Если капуста есть, сиди молча, сойдешь в своем Скоморохове, – сказал усатый конвоир.

И дальше было еще полчаса молчания. «Мерседес» заметно увеличил скорость.

– Смотри-ка, торопятся, мать их, – снова час спустя произнес толстяк Бондарь.

Словно услышав его, усатый сказал водителю:

– Еще сорок километров. Через полчаса будем на месте. Так сказать, в последней гавани. Сдадим субчиков как положено – и делу конец.

– У них там всегда есть что-нибудь вкусненькое. Я проголодался, – честно признался водитель.

– Я тоже.

Второй конвоир хранил гордое молчание.

Проголодались. Жрать хотят. Значит, сейчас вечер, подумал Рыбак.

– Смотри-ка, жрать хотят, – дословно повторил его мысль толстяк и поперхнулся. И кашлянул пару раз. Потом еще и

еще. Через полминуты он хрипел не переставая, лицо пере-
косилось и посинело, а изо рта пошла пена. Толстяк уже не
кашлял, он мелко и быстро трясся в конвульсиях, сползая с
сиденья на пол.

Пожалуй, загнется, вполне равнодушно подумал Рыбак.
Эпилептик?

Толстяк скатился в проход.

Конвоиры забеспокоились.

– Надо вставить ему что-нибудь между зубов, – задумчиво
сказал усатый. – Цепь, что ли, от наручников? Федоренко,
вставь ему свою цепь.

– Ищи дурака, – отозвался тот. – У меня хоть и «вышка»,
но еще одну мокруху не дам на себя повесить. Сам вставляй
куда надо, гомик хренов.

– Эй, да помогите же ему, – подали голос остальные зе-
ки. – Сделайте что-нибудь, наконец! Он же подойдет раньше
времени!

Последняя реплика, похоже, оказала решающее действие.
Усатый конвоир открыл дверь в железной сетке и, повесив
автомат себе на грудь, двинулся к захлебывающемуся соб-
ственной слюной толстяку. В ту секунду, когда он нахло-
нулся, толстяк с невероятной быстротой выхватил из носка
авторучку и ударил ею усатого в сонную артерию. Усатый,
удивленно вытаращив глаза, рухнул на колени, бесполезно
зажимая шею: кровь тоненькими мощными нитками фонта-
нировала в разные стороны.

Толстяк Бондарь воткнул ручку в ее владельца три раза подряд, прежде чем другой конвоир успел поднять свой автомат, ворваться в салон и нажать на спуск. Но первая же очередь конвоира оказалась роковой. Толстяку снесло полчерепа, и еще один зек получил свинец в руку и плечо. Сидевший на переднем сиденье Федоренко уже был на ногах и оказался вполне готов к такому повороту событий. Руками в наручниках он схватил конвойного за автомат и дернул вверх. Конвойный не переставал жать на крючок. Федоренко двинул ему коленом между ног и навалился всем телом. Автомат принял горизонтальное направление, и следующая очередь досталась водителю. Конвоир наконец отлепился от зека и коротким ударом приклада в подбородок опрокинул того навзничь.

Но в эту секунду автобус, потерявший управление и двигавшийся по шоссе зигзагами, высекая длинный сноп искр, длинно чиркнул по короткому парапету и, как только тот закончился, на скорости под сто километров и под углом сорок пять градусов вылетел в кювет. Люди, живые и еще не остывшие, летали в нем как мячики. Теряя сознание, Рыбак успел подумать, что наклонная насыпь у шоссе составляла никак не меньше десяти метров... раз автобус успел перевернуться три раза... прежде чем застыл, лежа на боку...

Часть первая.

УСТАНОВКА НА ИГРУ

"...Что касается Спортивного клуба Черноморского флота, то, пока там был командующим адмирал Горшков, неравнодушный к футболу, флотская команда была знаменитой...

Как-то счет был 0:4 не в пользу моряков Севастополя. Адмирал стоял, подобно Ушакову, вцепившись в борт адмиральской трибуны, и что-то выкрикивал. Потом, когда тайм закончился, вместе с оруженосцами скрылся в раздевалке футболистов. Игроки опустили головы, тренер и капитан, как обычно, не разбирали игру первого тайма. Слышался только адмиральский голос: «Позор, сдаете редут за редутом, бегом вперед-назад не играете, чтобы запутать противника! Нападающие, почему не бомбардируете передний край обороны? Мичман Ананьев, капитан команды, бросил якоря, дрейфуешь! Второй тайм, -продолжал Горшков, – начинаем со штурма, командовать буду я...» И в таком духе все 15 минут. Что делать? 0:4 в первом тайме с такой командой, как «Жальгирис», – это практически гиблое дело. Но чувство юмора никогда не подводило футболистов. Когда команды вышли на второй тайм и адмирал Горшков занял свое место, вдруг прямо с поля на него побежал капитан коман-

ды мичман Ананьев. Он поднялся по ковровым ступенькам, сняв фуражку с какого-то капитана, и, отдав под козырек адмиралу, вытянувшись, как полагается, произнес: «Товарищ адмирал, разрешите обратиться?» «Разрешаю», – вполне серьезно ответил адмирал. «Прошу вас дать команду на штурм ворот противника». «Начинайте!» – скомандовал Горшков. И его команда... получила в свои ворота еще три безответных гола".

Александр Ткаченко, «Футболь!»

ТУРЕЦКИЙ

Бах – по печени! Бац – в подбородок! Бэмс – по шее!

Рельефные бицепсы-трицепсы-квадрицепсы ходили ходуном. Два здоровенных стодвадцатикилограммовых негра прыгали друг вокруг друга на ринге нью-йоркского «Мэдисон сквер гарден». Публика ревела от восторга-негодования. Американец Эвандер Холифилд, чемпион мира по версии IBF и WBA, явно проигрывал англичанину Ленноксу Льюису, чемпиону мира по версии WBC. Соперники вошли в клинч, из которого судья, весивший вдвое меньше любого из противников, вытаскивал их несколько минут.

Турецкий вспомнил строчки из Довлатова: "На ринге поляк дрался с чернокожим. Комментатор деликатно объяснил: «Негритянского спортсмена вы можете узнать по голубой каемочке на трусах».

Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре РФ возлежал на диване и впервые в жизни чувствовал себя по-настоящему счастливым болельщиком. Независимо от результата. Потому что истинно счастливый болельщик – это вовремя информированный болельщик. Как и следователь Генпрокуратуры.

Турецкий думал о том, какая замечательная вещь – специальный спортивный канал НТВ+. Не нужно вылавливать в программе те или иные новости, не нужно ждать, пока они

закончатся и в крошечном интервале перед прогнозом погоды Иоланта Чен или Юля Бордовских скороговоркой поведают, где и с каким счетом (или результатом) наши проиграли на этот раз.

Нет, баста! Теперь об этом можно узнавать немедленно и во всех подробностях, мазохистски смакуя поражения, касаются ли они борьбы Кафельникова за первое место в теннисном рейтинге или «Спартака» – в Лиге чемпионов.

Супруга Ирина Генриховна, собственно и сделавшая мужу этот подарок в виде зеленой спутниковой тарелки и приставки, смахивающей на видеоманитофон, видела, что муж тихо счастлив, и сочла за лучшее некоторое время не подчеркивать свое присутствие.

Турецкий протопал на кухню и пошарил в холодильнике на предмет пива или хотя бы минералки. Увы. Но зато он обнаружил полуторалитровую пластиковую бутылку с незнакомой этикеткой, на которой красовалась изящная птица, летящая впереди начинающейся бури. «Буря-кола». Хм... Очевидно, Ирка взяла на пробу новый напиток. Турецкий плеснул себе полстакана и попробовал. Хм... буря как буря. Нормальный вкус, ничем особым не отличающийся от многочисленных кол.

А, ну конечно! Это же очередной побочный продукт имеющего успех последнее время на международном уровне футбольного клуба «Буревестник». Турецкий припомнил, что появлению его на прилавках способствовала агрессивная

кампания с рекламным слоганом «Буря в стакане воды!».

Он вернулся в комнату. Пытаясь устроиться поуютнее, задел пульт и переключился на другой канал. Там он увидел разбросанные по полю груды железа и в первый миг подумал даже, что попал на крупнобюджетный американский боевик, но заметил в углу фирменный значок службы новостей и оторопел.

«Дорогие телезрители! Мы с вами живем в такое замечательное время, когда любое маломальское событие сразу же становится достоянием оперативно действующих средств массовой информации! – жизнерадостно сообщила журналистка в довольно длинной юбке и чем-то большом и мохнатым типа свитера. – Машина, перевозившая заключенных из одной тюрьмы в другую, на железнодорожном переезде столкнулась с товарным составом, в котором было всего-то два вагона, вернее, платформы, но зато обе оказались загружены цистернами с горюче-смазочными материалами! В результате спастись удалось лишь двум охранникам, один из которых оказался настоящим героем: он спас своего друга!!!» – истерически завизжала дама, словно на ток-шоу, приглашая в студию очередную звезду.

Камера оператора переместилась, и на экране появился перепачканный и слегка подкопченный охранник с роскошными усами. На дальнем плане виднелось с десяток милицеских машин с мигалками. Охранник дико озирался не в силах переварить свалившуюся на него славу.

«Ну, значит, эта... Наш автобус занесло на мокром шоссе, он слетел вниз, перевернулся несколько раз и остановился вон у того холма... Даже не знаю, отключился я или нет, но... вдруг увидел, что поезд мчится прямо на нас! Как это случилось, ума не приложу... Все было как в тумане... но я как-то схватил своего напарника и вытолкнул его из машины».

«Вы оба могли погибнуть!» – с некоторым сожалением прокомментировала корреспондентка.

«Знаю. Но он бы сделал для меня то же самое», – все больше воодушевляясь, заявил охранник.

«Хорошо, хорошо. – Вдруг какой-то милицейский чин внедрился в кадр и показал ему фото. – Еще раз, чтобы расставить все точки. Этот мертв?»

«Да».

«Этот?»

«Тоже».

«А этот?»

«Все случилось мгновенно. Не думаю... не думаю, чтобы он выжил».

«Итак, дорогие телезрители, – снова вклинилась счастливая корреспондентка, – вы сами могли убедиться, что в результате страшной трагедии кроме двух человек погибли все пассажиры автобуса, перевозившего приговоренных к пожизненной каторге. С вами была...»

Турецкий снова переключился на спортивный канал НТВ.

ГРЯЗНОВ

Все началось с того, что в Москве с дружественным визитом побывала делегация полицейского департамента Нью-Йорка. И вот тогда милицейское начальство города и министерства сообразило, что работает не так, как надо. И прежде всего – не на тех машинах ездит.

...Грязнов катил на своей «Ниве» в Министерство внутренних дел и думал о смысле жизни. Сегодня он должен был стать начальником МУРа. Перейти из разряда вечного врио в статус действительного «взрослого командира», как сказал Турецкий. И спрашивается, на фига ему это было надо? Что это изменит? Ничего. Грязнов подумал про себя, что относится к тому типу людей, которые живут без иллюзий. Но зато ведь не знают и разочарований.

Автомобильный бог в тот день был не на стороне Грязнова. Сперва Вячеслав проколол заднее колесо, удивительно еще, как это переднее проскочило, хотя какая разница. Потом попал в пробку. Не говоря о том, что его подрезали все кому не лень...

Где– то далеко сзади что-то подвывало.

Грязнов подумал, что улицы перепутались до невозможности, размножаясь на бесчисленные переулки. Эти переулки в свою очередь перепутались еще больше, не поддаваясь никакой геометрии. В результате одна улица даже пару раз

пересекла саму себя.

Вой становился все отчетливее, и соседние машины стали инстинктивно жаться к обочинам. Грязнов машинально отметил это обстоятельство и не сдвинулся ни на йоту, пребывая чуть ли не посредине шоссе с законной скоростью пятьдесят километров в час. На повороте он глянул в зеркальце заднего вида: там появился кортеж из трех автомобилей. Впереди два черных – «ауди» и лимузин, за ними новенький милицейский «форд» – из числа недавно подаренных нью-йоркским полицейским департаментом, машинально отметил Грязнов. Все три машины неслись с ненормальной скоростью в сторону центра. А грязновская «Нива», естественно, загораживала путь. «Ауди» непрерывно сигналила, затем мегафонный голос директивно сообщил:

– Водитель «Нивы», немедленно освободите дорогу!

Ну и черт с тобой, подумал Грязнов и начал прижиматься вправо. Вереница машин не стала ждать и ринулась в освобождаемый коридор. «Ауди» проскочила, а широченный лимузин основательно зацепил бок грязновской «Нивы». Будущий начальник МУРа немедленно рассвирепел и вернул должок – недолго думая, въехал лимузину в зад. Тот в свою очередь – в притормозившую на повороте «ауди». Из «форда», замыкающего процессию, немедленно выскочили двое мужчин с пистолетами в руках («макаров» и «беретта», механически отметил Вячеслав Иванович) и наставили стволы на Грязнова, тоже остановившего свою машину. Оба словно

сошли с иллюстрации чеховского рассказа «Толстый и тонкий». Хотя тот, что толстый, был скорее коренастый, совершенно седой, с чистым, почти без морщин лицом. Только в углах рта лежали складки, предполагающие суровые черты у их обладателя. Лет ему было под пятьдесят. «Тонкий» же, в смысле очень длинный, был молодым парнем, наверное вдвое моложе напарника, и уже плешивым, чтобы не сказать лысым. Он попытался открыть дверь грязновской «Нивы» и, когда это не удалось, коротко приказал:

– Из машины!

Грязнов, совершенно не реагируя на эти слова, закурил сигарету и внимательно рассматривал его пожилого напарника. Лицо у «толстого» вытягивалось гримасой удивления.

– Слава? Вячеслав Иванович? Но как же... Но ведь же... А ты разве курил? – совершенно растерявшись, спросил «толстый».

– Я-то курил. А вот ты разве жив, Федя? – в свою очередь поинтересовался Грязнов.

«Тонкий» вконец удивился и завопил тонким голосом:

– Да что это за фигня?! Выходите из машины – и руки за голову.

– Дятел, – рассердился «толстый» Федя, засовывая «макаров» в кобуру под мышкой безукоризненного черного пиджака, – это главный сыщик столицы. Ну и история.

– Кого возите? Чей членовоз? – поинтересовался Грязнов, уже чувствуя недоброе.

– Министра твоего, – вздохнул Федя. – Эмвэдэшного.

Замминистра сидел за своим огромным столом с палкой в руке и скорбным выражением лица.

– Как же он мог получить сотрясение мозга, – удивился Грязнов, – в бронированном-то лимузине? – То, что сам он не только не стал главой уголовного розыска, но перестал быть даже врио, у Вячеслава Ивановича не вызвало удивления ни в малейшей степени. Временно исполняющий обязанности временно не исполняющего обязанности начальника МУРа.

– Шахматной доской, – хмуро бросил Грязнову замминистра. – Он, видишь ли, страстный шахматный игрок. И в тот момент, когда ты въехал ему в зад, как раз держал ее в руках, собирался фигуры расставить.

– С кем же он там играл, сам с собой, что ли?

– Откуда я знаю? – обозлился замминистра. – Может, он шахматные задачки решал. Меня там не было, если ты на это намекаешь. Давай ближе к телу. Между ведомствами началась война. Министерство юстиции отобрало у нас тюремную систему. Не думаю, что это такой уж лакомый кусок, финансирование там муровое. Но ведь зоны – это самое разнообразное производство. Что в нашей богом забытой стране сейчас большая редкость, сам знаешь. Кроме того, зоны – это средоточие криминальных авторитетов, неслабо влияющих на своих поделщиков, оставшихся на свободе. Не говоря уже об отдельных зонах для ответработников и бывших служа-

щих правоохранительной системы. Из контроля над которыми тоже можно извлечь немало пользы... Так что эта история с перевернувшимся автобусом с зеками очень кстати. Самое забавное, что розыск сбежавших зеков по-прежнему находится в ведении МВД. Правда, специальных подразделений для этих целей сейчас не существует. Это дает отличную возможность немного поспекулировать: дескать, Минюст не справляется и все такое.

– А что, разве справляется? – невинным тоном спросил Грязнов.

– Да не в этом дело! Какая разница, справляется или нет. Это же политика. Ладно, хватит. Можно подумать, что ты уже на пенсии и это все тебе до фени. Твое отстранение временное, сам знаешь. А пока что наш новый министр распорядился организовать команду по розыску сбежавших особо опасных преступников. Если дело пойдет как надо, эта группа из временной станет постоянной, а работа, сам понимаешь, всегда найдется: пока будут тюрьмы, зеки будут из них бежать. Короче, не буду темнить, Вячеслав Иванович, из всей этой ситуации вырастает реальный шанс хорошенько намять бока Минюсту и вернуть тюрьмы обратно. И это только начало!

Он поднялся из-за стола, опираясь на клюку. Грязнов удивился, но промолчал. Черта лысого я стану тебе сочувствовать, хоть загнись от своего ревматизма, подумал он.

– Но если ты думаешь, что благодаря очередному, мать

твою, хулиганству, тебя отстранят от дела, ничего подобного. Работай. И чтобы все зеки, живые или нет, были найдены! Ты разве не понимаешь, что происходит? Я насилу уговорил шефа, чтобы эту спецгруппу поручили тебе.

– Ну и что? – вяло спросил Грязнов.

– На нас в связи с этим побегом и без того давят. Неужели непонятно?!

– Кто давит-то? – безразлично поинтересовался Грязнов.

Замминистра безнадежно махнул на него рукой и сел за стол.

– В моей приемной тебя дожидаются два других члена спецгруппы. Такая, знаешь, довольно забавная парочка. Тот, что старше, еще в «Альфе» служил, помнишь, была такая антитеррористическая команда в союзные времена? Дворец Амина в Афганистане брали.

– Всего два человека?! – не поверил Грязнов. – Чтобы ловить зеков?!

– Почему два человека. Ты – третий. А четвертый к вам присоединится позднее. Да, надо же вас как-то назвать...

– «Алькатрас», – не задумываясь брякнул Грязнов.

– Почему «Алькатрас»? Что такое «алькатрас»? Птица, что ли?

– Птица – это альбатрос. А Алькатрас – самая знаменитая американская тюрьма.

– При чем тут это? – удивился замминистра.

– Ну мы же должны вернуть зеков на место? В их отчий

дом, так сказать?

Замминистра посмотрел ему в глаза и ничего там не увидел. Грязнов оставался спокоен и непроницаем. Замминистра махнул рукой: называй, дескать, как хочешь, только в печь не ставь.

– Когда придет время оформить все документально, сделаем какое-нибудь нормальное русское название. Например, букву и набор каких-нибудь цифр. И главное, Вячеслав Иванович, постоянный отчет мне. Постоянный. Во всех действиях. Ферштейн? – Замминистра достал из ящика стола небольшой мячик на подставочке-блюдечке, положил его на пол и неожиданно замахнулся своей клюкой.

– Это что значит? – удивился Грязнов.

– Приезжали американские коллеги...

– А, помню.

– Подарили клюшки для гольфа. Говорят, любой уважающий себя начальник должен тренироваться, если у него кабинет позволяет. А я когда-то в хоккей с мячом бегал. – В доказательство своих слов замминистра лихо хрястнул клюкой по мячику, и тот врезался в висевшую на противоположной стене кабинета медвежью шкуру. – Главное – постоянный отчет, уловил?

– Значит, в гольф, – задумчиво повторил Грязнов. – Хорошее дело. Культурное. Я тут анекдот вспомнил... Играет Иисус Христос в гольф с апостолом Петром.

Замминистра весело заржал.

– Рано еще, – пояснил Грязнов. – Значит, играет Иисус Христос в гольф с апостолом Петром. Петр несильно так, интеллигентно прикладывается клюшкой к мячику, и, – Грязнов проводил взглядом воображаемый удар, – довольно неплохо, в общем. Тогда Христос размахивается с оттяжкой и – бац! Мяч летит совершенно в другом направлении, в лес. А по лесу в это время пробежал зайчик. И мячик попал прямо в него. И наповал. По небу пролетал орел, увидел он это дело, камнем бросился вниз, схватил зайчика (вместе с мячиком) и полетел лакомиться. Но тут его увидел охотник...

Замминистра слушал замерев.

– Охотник сорвал ружье с плеча и – б-бах! Расцепив когти, орел падает. Зайчик падает отдельно. Из-под лапы у него выпадает мячик, тоже падает отдельно. И влетает прямо в лунку. Тогда Христос бросает в сердцах клюшку на землю, поднимает руки к небу и кричит: «Папа, ну дай же мне поиграть?!»

Не давая хозяину кабинета опомниться, Грязнов вышел в приемную. Там сидели его давешние знакомцы. «Толстый» и «тонкий».

– Ну ты и дятел, – поучительным тоном втолковывал «толстый». – Слава! – обрадовался он, увидев Грязнова. – Нас уволили из сопровождения министра и почему-то отправили к тебе. Объяснишь?

– Поехали, поговорим по дороге. И познакомимся заодно.

Москва оставалась позади. Вернее, внизу.

– Честно сказать, я был уверен, что ты на том свете, – перекрикивая вертолетный шум, сообщил Грязнов. – В каком же году тебя подстрелили? В восемьдесят первом?

– В восьмидесятом. Перед самой Олимпиадой. «Альфу» тогда доукомплектовывали после Афгана, и моя персона им почему-то подошла. И то мое ранение оказалось весьма кстати. Люди, которых тогда набирали в «Альфу», официально уже не существовали. Дятел, не высовывайся! – прикрикнул Федор Комиссаров на своего «тонкого» напарника, заметив, что тот небезопасно свесился в открытый люк вертолета.

– Хорошим ты опером был, Федя, жаль, что подстрелили. И похороны тебе в МУРе тогда закатали приличные, – припомнил Грязнов.

– Ну извини, что разочаровал, – хохотнул Федя. – Но я их видел. Чуть гроб мой не перевернули. Хорошо, что он закрыт был. Так и вижу, идет траурная процессия. «Кого хороним?» – «Тещу». – «А почему гроб боком несете?» – «А когда на спину переворачиваем – храпеть начинает»... Дятел, ты что там делаешь? – Федя переключился на своего молодого напарника. – Вот почитай дела этих орлов, которых нам ловить придется, – он протянул папки, уже внимательно изученные Грязновым.

– Что это ты все на него покрикиваешь, – заметил Вячеслав Иванович. – Я бы не стерпел, если б меня все время дятлом...

– А чего тут терпеть? Никаких обид. Дятел – это его фамилия. Леша Дятел. И всех делов. Способный парень, можешь мне поверить. Только дятел немного. Главным образом, конечно, стрелок и драчун, сам понимаешь, кого еще могут взять в сопровождение министра. Но ничего, мысли думает, делает вид, что развивается, меня, старика, несложно обмануть.

– Не прибедняйся, – проворчал Грязнов, как и положено было в подобном месте разговора.

«Тонкий» – Леша Дятел – согласно кивнул и снова погрузился в изучение документов. Через несколько секунд он поднял правую руку с указательным пальцем.

– Слова просит, – объяснил Федор.

– А сколько времени прошло с момента побега? – спросил Дятел.

– Сутки.

– Сбежали двое заключенных?

Грязнов кивнул.

– Фамилии их известны? Федоренко и Зубрицкий, правильно? Но, насколько я понял, содержимое автобуса превратилось в пепел. Откуда же ясно, что ушли именно эти двое? Или вам так хочется?

– Мне лично плевать, как их зовут. – И Грязнов продемонстрировал свое умение плевать с пятисотметровой высоты. – Все наручники и сковывающие цепи были, естественно, пронумерованы, – терпеливо объяснил он. – Стандартный по-

рядок этапирования зеков. Но всегда можно найти и другие мелочи, позволяющие идентифицировать труп. Оpozнание в данном случае не в счет. Обуглились, как головешки.

– А кто еще будет в нашей команде? Сколько всего людей? – спросил основательный Комиссаров.

– Четверо. Еще один человек появится позднее. Боюсь, очередной костолом-телохранитель вроде вас, – честно признался Грязнов.

Попутчики не обиделись. Только Комиссаров заметил, покачав головой:

– Четыре человека... Группа обхвата, а не захвата...

– Снижаемся, – обернувшись, прокричал пилот вертолета. – Прибыли.

Остатки тюремного автобуса представляли собой жалкое зрелище. Несмотря на то что с момента катастрофы прошло уже больше двадцати четырех часов, неподалеку от искореженной и изрядно поплававшей груды металла стояли две пожарные машины. В окрестностях бездельничали полтора десятка омовцев.

Внимание Грязнова привлекла «Газель» с тонированными стеклами и со стандартными обозначениями маршрутного такси. В открытую дверь он увидел молодую женщину, склонившуюся над ноутбуком, который она держала на коленях. Правым ухом она прижимала к плечу сотовый телефон и с кем-то разговаривала. Женщина моментально почувствовала на себе взгляд, подняла голову и чему-то улыб-

нулась. Она положила телефонную трубку в карман, отложила компьютер на сиденье и выпрыгнула из машины, продемонстрировав безукоризненный брючный костюм из серо-голубой шерсти. Короткая стрижка и узкие очки в тонкой роговой оправе не скрывали правильных черт лица и хитроватого пронизательного взгляда голубых глаз. Вызывающе голубых, отметил про себя Грязнов как раз в тот момент, когда изучаемая им особа подошла к только высадившейся из вертолета группе и представилась.

– Вы полковник Грязнов, не правда ли? Севостьянова Алина Витальевна, психолог. – Она подумала и добавила: – Кандидат наук. Член вашей группы... – Тут Алина Витальевна замялась, живо вытащила из кармана пиджака какой-то листок и неуверенно прочла: – «Аль...катрас»?

– «Алькатрас», – подтвердил Грязнов и подумал, что замминистра окончательно лишился чувства юмора, если его, Грязнова, предложение уже внесли в официальные документы. Ну и черт с ними!

Комиссаров с Дятлом, еще не знавшие названия, удивленно переглянулись, затем радостно захихикали, не веря своим глазам и разглядывая ладную, небольшую фигурку Алины Витальевны. Грязнов не улыбался. Он реально отдавал себе отчет в том, с кем придется ловить беглых маньяков, убийц и насильников – со своим тяжеловесным ровесником, мальчишкой-несмышленишем и девчонкой в чистеньком костюмчике. Из серо-голубой шерсти. Грязнову немед-

ленно захотелось, чтобы она его испачкала. Севостьянова Алина Витальевна, психолог, кандидат наук.

– Вячеслав Иванович, вам звонил замминистра. – И Алина Витальевна неловко замолчала.

– И чего? – вяло поинтересовался Грязнов.

– Сказал, э-э-э... просил... передать, что во времена Христа не было огнестрельного оружия.

Все удивленно уставились на Грязнова.

– Это какой-то секретный пароль? – робко поинтересовалась Севостьянова.

– Начальство желает быстрых результатов, – прокомментировал Комиссаров молчание Грязнова. – Вам хочется результатов? Их нет у меня.

– Вы здесь давно? – спросил Грязнов у Севостьяновой, чтобы что-нибудь сказать.

– С полчаса. Я на вашей машине прикатила, на министерской, – она кивнула на «Газель». – Это камуфляж, как мне объяснили по поводу такси. – И она решительно протянула мужчинам руку.

Все трое с опаской пожали узкую, изящную ладонь.

– Давайте обсудим ситуацию, – со вздохом произнес Грязнов. – Что у нас есть?

– Один живой охранник, – быстро ответила Севостьянова. – К счастью, он даже не ранен – так, небольшие ушибы и ссадины, никаких ожогов, подозрение на легкое сотрясение мозга, ерунда. Давайте поговорим в машине, если не возра-

жаете, там удобнее.

Мужчины не возражали. В салоне «Газели», замаскированной под такси, оказалось очень даже комфортно, не говоря уже о холодильнике, СВЧ-печке, средствах спецсвязи и уютном диванчике.

– А где тот, кто вас привез? – поинтересовался Федор, одобрительно разглядывая интерьер. – Он тоже останется с нами?

– Я сама за рулем.

– Вот как. И давно?

– Лет пятнадцать. Все началось с мотоциклов. Знаете, увлечения юности... Так вот. Я взяла на себя смелость вызвать нашего единственного свидетеля для дачи показаний.

– Откуда он приедет?

– Из Москвы.

– А что же, там его нельзя было допросить? Чего гонять парня взад-вперед? – удивился Дятел.

– Все верно, – успокоил Грязнов. – Грамотный ход. Если хочешь, чтобы люди говорили правду, надо потрепать им нервы. Так что теперь возьмите на себя смелость вернуть его с полдороги обратно в Москву. Так говорите, вы психолог, Алина... Витальевна?

Севостьянова кивнула и продемонстрировала понимание ситуации.

– Вы, конечно, удивлены и... огорчены моим присутствием. Я полагаю, нужно что-то сказать о себе? Я работала в ко-

лонии общего режима в Коми и в строгой зоне в Челябинской области.

– А сейчас?

– Сейчас работаю над докторской диссертацией.

Дятел с Комиссаровым округлили глаза. Грязнов тоже почувствовал себя не в своей тарелке. Старею, что ли? Что за черт, что тут такого удивительного, что молодая привлекательная женщина с голубыми глазами активно выстраивает свою карьеру...

– Какова же, позвольте поинтересоваться, была тема вашей кандидатской?

– «Проблемы адаптации бывших заключенных в свободном обществе» – это кандидатская. Хотите кофе? Правда, из термоса. А докторская – то же самое с некоторой тонкой специализацией – «Проблемы адаптации... в период незаконного отбытия из мест лишения свободы».

Грязнов не поверил своим ушам.

– То есть проблемы адаптации зеков во время побега?! Тонкости их душевной организации?!

– Ну да. – Алина Витальевна мило и по-домашнему улыбнулась, разливая кофе в высокие колбообразные чашки.

– Где же вам позволят защищаться с такой диссертацией? Разве в какой-нибудь мафиозной группировке?

– Да нет, вы не поняли. «Диссер» закрытый, конечно, и его результаты и возможный, э-э-э, с позволения сказать, научный потенциал будут направлены не в помощь бежавшим

заклученным, а в противодействие им. Иными словами... – Она подчеркнуто интеллигентским жестом поправила очки на переносице.

– Иными словами, вот почему вы здесь, – уразумел наконец Грязнов.

Комиссарову с Дятлом, похоже, этого знания было не нужно, поскольку для них Алина Витальевна стала самодостаточной фигурой с первой минуты. Тем не менее сама она отчего-то чувствовала себя неуютно.

– Вячеслав Иванович, я должна кое в чем признаться. Я взяла со стоянки МВД не ту машину. То есть мне сказали, что «Газель» с тонированными стеклами стоит там-то и там-то, и я немедленно разыскала ее и села за руль. Вообще-то, выходя из подъезда, я видела, как ее покидает водитель, но решила, что ее просто подготовили к поездке. Заправили и все такое. Ключ был в машине, я предъявила выездные документы и рванула поскорей, чтобы позже вас не приехать.

– Так в чем проблема, все в порядке.

– Это еще не все. В машине для меня должны были быть подготовлены кое-какие документы по нашим заключенным и вообще по делу. Выехав на окружную дорогу, я решила наконец ими заняться. Вот что там было, – она протянула Грязнову пару кожаных папок.

Вячеслав Иванович с недоумением распахнул их и крикнул:

– Ничего не понимаю...

Дятел и Комиссаров заглянули ему через плечо. Там действительно было на что посмотреть. В кожаных папках лежали журналы «Пентхаус» и «Хастлер». Десятки обнаженных красоток в самых вызывающих позах глянули со страниц отменной глянцевой полиграфии за те секунды, что Грязнов потратил на пролистывание.

– Я же говорю, – подтвердила Алина Витальевна, – я села не в ту машину. Я ее фактически угнала. Вот, – она кивнула на длинные брезентовые свертки в дальнем углу.

Дятел после кивка старших товарищей немедленно принялся распаковывать их, и на свет показались великолепные образцы стрелкового оружия.

– На уточек собирались, – подытожил Грязнов. – У него, заядлого охотника, вырвался протяжный вздох.

– То есть в этой машине эмвэдэшное начальство планировало отправиться на охоту? – подозрительно переспросил Федор Комиссаров, передвигаясь по салону. – А вы, дамочка, ее угнали...

Севостьянова печальным кивком подтвердила это происшествие.

– Да ведь это потрясающе! – взвыл Комиссаров. – Это надо отметить. И немедленно. Слава, я носом чую, здесь полно всякой снеди!

Грязнов немедленно одобрил идею «подзарядить батарейки». На первый раз по заявкам трудящихся из холодильника и прочих укромных мест на импровизированный стол были

извлечены: кирпичик «Бородинского» хлеба и батон «Французского» с отрубями, пара брикетов крабового мяса, две огромные копченые курицы, хороший брусок «Голландского» сыра, палка микояновской сырокопченой колбасы, стограммовые баночки икры обоих цветов, маринованные огурчики и две полторалитровые бутылки минеральной воды «Боржоми» и «Вера» – с газом и без. Кока-колу пил один Дятел. Алина Витальевна даже не подумала сослаться на какие-либо диеты и опустошала припасы наравне со всеми. Чем привела мужскую часть коллектива в состояние повышенного жизнелюбия.

– Ландшафт поискам не благоприятствует.

Несмотря на то что аналогичные действия и расчеты были предприняты оперативной группой, прибывшей на место аварии еще сутки назад, Комиссаров вспомнил молодость и пытался определить возможные пути побега и соответственно – поиска. И потому не участвовал в общем разговоре.

– Обсудим, что у нас есть. Готовы? Итак, в автобусе было девять человек. Шесть заключенных, два конвоира и шофер. У нас с вами имеется в наличии семь трупов. Шесть совершенно обгоревших и один с разбитой головой. Что можно определенно сказать по поводу последнего?

– Удар тупым предметом по теменной части головы – это без комментариев.

– В каком смысле «без комментариев»?

– В том смысле, что от этого он и скончался.

– Ладно, значит, сердечный приступ отпадает.

– Шутим?

– Я имел в виду – это определено, что он получил удар по голове?

– Вовсе нет. Его могли стукнуть в другое место, и он, падая, ударился головой. Согласно предварительным показаниям конвоира, когда он вытаскивал напарника из машины, то не слишком присматривался, жив тот или нет.

– Ладно, оставим это. Что с водителем?

– То же, что с остальными. Все обуглились до неузнаваемости.

– Заключение экспертизы?

– Еще нет, жду.

– Ладно, какие тут могут быть версии?

– Никаких, – честно признался Дятел, предварительно наморщив лоб.

– Тогда помолчи с умным видом, – цыкнул на него Комиссаров.

– Версии две. Побег планировался изначально. И побег вышел спонтанно, в силу сложившихся обстоятельств.

– Годится для начала. Что касается первого варианта. Необходимо обработать максимум информации о последнем месяце заключения наших беглецов. Об их родственниках, друзьях, знакомых – все, что найдем. Естественно, для второго варианта такая информация тоже необходима, по крайней мере, будем думать на основании этого, где их искать. На

настоящий момент у нас есть какие-нибудь данные от групп поиска?

– Прямая связь молчит, – Севостьянова кивнула на телефонную трубку, лежащую на приборной панели. – Но я дала оперативникам свой электронный адрес и просила все дублировать туда. Сейчас посмотрю. – Она взяла в руки ноутбук, быстро открыла электронную почту и отрицательно покачала головой. – Я разговаривала с их начальником, такой довольно хамоватый господин. Он сообщил мне, что собаки след потеряли. Поэтому «пришлось отрабатывать направления всех сторон света», цитирую дословно, и они занимаются ближайшими населенными пунктами. И так далее – то есть следующими за ними населенными пунктами, тоже дословно. Вертолеты прочесывают лесной массив. А он тут, кстати, очень массивный.

– Ясно, – без эмоций бросил Грязнов. – Федор, ты посчитал?

– Готово. – Комиссаров появился со своими записями и какими-то графиками. К моменту начала поисков после аварии прошло примерно два часа двадцать минут. И это по минимуму. Соответственно...

– То есть как?! Никто не заметил крушения поезда? Диспетчеры не обратили на это внимание?!

– Нет, конечно, но ты знаешь, как это у нас. Сообщили через четверть часа в одну инстанцию. Там подумали, как бы эту информацию полаяльней преподнести следующей ин-

станции. И так далее. Короче, пока спецназ из Москвы вылетел...

Грязнов выругался про себя.

– Соответственно, – продолжил Федор, – за два с половиной часа по пересеченной местности, а местами – по чаще зеки могли пройти максимум двадцать пять километров, но я бы пяток скинул на ландшафт. Наверняка на радиусе в такое расстояние по всей окружности находится не меньше десятка поселков и станций. Словом, мне нужна хорошая карта этой гребаной местности, и тогда я скажу какие-то конкретные вещи.

– Я могу вам помочь. – Алина Витальевна снова взяла свой ноутбук, открыла какую-то программу и стала входить в карту за картой.

Комиссаров пораженно следил за этими манипуляциями. Но когда появилось то, что ему было нужно, разочарованно сказал:

– Это же карта нескольких районов. В три раза больше, чем нужно.

– Нет проблем. – Алина Витальевна исправила оплошность, сконцентрировав внимание компьютера на необходимом и увеличив нужный Комиссарову квадрат. Тот восхищенно прищелкнул языком:

– Все, Слава, меня не трогать полчаса! Выдам подробное руководство к действию.

– Мне тоже, с вашего разрешения, нужно кое-что сде-

ать. – Севостьянова вышла из машины, отошла в сторону и достала из кармана телефон.

ПРИГОВОРЕННЫЙ

...Его лошадь взяла следующее препятствие легко и играючи, выиграв у воображаемых преследователей еще полкорпуса. Всадники дышали конским потом и сыростью утренней хвои – сосновый бор соседствовал всей линии скачек. Какая-то гнедая как будто стала доставать его слева. Рыбак сдавил бока своей лошади, еще выше привстал в стремях и... очнулся от голоса усатого конвоира.

– Зубрицкий, твою мать, ты же вроде медик, твою мать, помоги им!

Постанывая, те, кто был еще жив, стали приходить в себя. Сколько времени Рыбак был без сознания, определить точно он не смог. Может быть, минут пять – десять?

– Я в наручниках, – проворчал Зубрицкий. – Или ты забыл? Сними их, к чертовой матери, если хочешь, чтобы я что-то сделал. И фонарь нужен, не видно ни черта.

– Держи, – усатый, не раздумывая, швырнул ключи. Затем, вслед – резиновый фонарик «Дюрасел».

Рыбак удивился такому проявлению доброй воли, но, кое-как поднявшись на ноги, все понял. В искореженном салоне «мерседеса» было по меньшей мере четыре трупа. Окончательное слово оставалось за Зубрицким. Он освободил свои руки, а сам двинулся к раненому второму конвоиру. Тот был без сознания, но пульс прощупывался, и Зубрицкий помог

усатому вытолкнуть его из машины, а сам вернулся в салон. Водитель и случайный попутчик, так и не добравшийся до Скоморохова, признаков жизни не подавали. Два зека тоже были мертвы наверняка. Толстяк Бондарь застрелен, неприметный, молчаливый Рахманин во время аварии сломал шею. Оставался еще Степанцов...

Зубрицкий незаметно, словно ненароком, уронил ключи от наручников на скрюченную фигуру Федоренко. Федоренко немедленно воспользовался подарком и тоже освободил запястья. Не заметивший этого усатый заторопил Зубрицкого:

– Ключ давай обратно, или ты уже решил, что амнистирован?!

– Не знаю, где-то выронил, – буркнул тот, переворачивая Степанцова на спину.

В эту секунду раздался невнятный шум, переросший в длинный, непрерывный гудок.

– Ч-черт! – завопил усатый и, едва выглянув в разбитое правое окно, сразу же нырнул в него.

Рыбак вдруг почувствовал, что чрево автобуса словно начинает подрагивать. Он последовал за усатым, и страшная догадка не замедлила подтвердиться. Разбитый автобус лежал на железнодорожном полотне, а гудок следовал из поезда, запоздало тормозившего перед этой неожиданной преградой. Кто-то вдруг схватил его за ногу. Это был Федоренко, выползший из салона и второй рукой обшаривавший во-

дителя. Он еще не знал, что самая большая опасность сейчас исходит не от спасшегося охранника, а от несущегося поезда. Молнией сверкнула безумная мысль, и Рыбак бросился к случайному попутчику. Он был просто безнадежно мертв, но это уже не интересовало заключенного.

– Рыбак, Зубрицкий, вылезайте скорее! – где-то неподалеку завопил охранник, предупредив о нависшей угрозе. И действительно, визг запоздалого торможения стал закладывать уши.

Зубрицкий не замедлил воспользоваться приглашением, но, не то заподозрив в Степанцове едва уловимое дыхание жизни, не то твердо удостоверившись в этом, тянул его за собой. Рыбак помог ему выбраться наружу, краем глаза уловив, как Федоренко, уже вооруженный укороченным «калашниковым», двумя ногами выбил заевшую было правую дверь и выпал в черноту.

Рыбак вытряхивал мертвого попутчика из его одежды, стараясь не думать о том, что еще пару минут назад этот человек был жив и торопился по своим делам в какое-то неведомое Скоморохово. Скорей, скорей – куртку, брюки, клетчатую рубашку... И вон из машины!

Федоренко помог Рыбаку освободиться от наручников и цепей и прошипел:

– Послушай, мне наплевать, куда ты пойдешь. Только не за мной, понял?

Рыбак, не обращая внимания, сорвал с себя арестантскую

робу и забросил ее в разбитый микроавтобус. В это время с противоположной стороны «мерседеса» одновременно с бешеным криком «Где ключи, сука?!» раздалась автоматная очередь, и они оба, не сговариваясь, бросились в лес.

А еще несколько секунд спустя локомотив с двумя цистернами въехал в микроавтобус и протолкал его вперед с полсотни метров, пока сам не соскочил с рельсов и, накрываясь влево, не пропахал по земле столько же. Затем последовал взрыв – цистерны были явно не пустыми, – и ослепленный Рыбак, ничком бросившийся на землю, успел подумать, что в жизни своей не видел более яркого события.

А бывший «мерс», перевозивший заключенных, превратился в расплавленный ком железа, вместе с несколькими трупами и одеждой Рыбака.

ГРЯЗНОВ

Алина Витальевна только что куда-то снова позвонила и убрала трубку в карман.

– С вашего разрешения, Вячеслав Иванович, – предложила она, – я займусь психологическими портретами наших беглецов.

Комиссаров устало прикинул:

– Надо зарядить всех участковых в полезном радиусе. И опять подключить местные опергруппы. Мне кажется, шансы есть.

– Вот и давай, – распорядился Грязнов. – А ты, – он повернулся к Дятлу, – займись альтернативными версиями. Сможешь разбудить общественность?... Подумай, какие могут быть варианты, если наш беглец не станет прятаться в мусорных баках и на чердаках, а решит затеряться в толпе.

– А вы где будете искать?

– А я буду спать.

ПРИГОВОРЕННЫЙ

Припадая на правую ногу, зек бежал по ночному лесу, не оглядываясь. Зачем это было делать, если он и так был уверен, что погоня за ним уже есть, хоть пока она движется заочно. Пересохшие листья, хвоя и дерн тревожно хрустели под ногами. Иногда он поднимал голову и думал, что полнолуние никогда в жизни не предвещало ему ничего хорошего. Ни в беспризорное детство. Ни в ночь перед убийством. Ни сегодня.

Тряпка, которой он перетянул кровоточащую ногу, давно намокла и рану уже не сдерживала.

Перелески казались бесконечными. И он далеко уже не был уверен, что бежит все время в одну сторону. Но он твердо знал, что нельзя останавливаться. Он остановится тогда, когда остановится эта пульсирующая струйка крови. Когда остановится сердце.

Чаща заметно редела, и вот уже между стройными осиновыми стволами стало метров по десять, по пятнадцать, по двадцать, они словно превратились в телеграфные столбы вдоль железнодорожного полотна... Железнодорожного? Ну да, конечно, этот поезд... Кто бы мог подумать, что приговоренный к пожизненному заключению человек может еще угодить под поезд. Пять человек...

ГРЯЗНОВ

– Подъем!

Несмотря на протесты Алины Витальевны, Дятел бесцеремонно растолкал начальника.

– Вячеслав Иванович! В двадцати трех километрах на юго-запад от места аварии Комиссаров с собаками обнаружил кровавый след.

Леша Дятел возбужденно подпрыгивал. Он сейчас сам был похож на охотничью собаку.

– Куда ведут следы?

– К воде.

– Узнай группу крови, – распорядился Грязнов, – и кому из зеков она принадлежит.

– Вы имеете в виду – Федоренко или Зубрицкому?

– Я имею в виду – кому из пятерых зеков, бывших в машине.

Алина с сомнением покачала головой:

– Значит, вы не исключаете, что... Кстати, а как мы будем туда добираться? «Газель» не проедет.

– У нас все еще есть вертолет, – напомнил Грязнов, – направляясь к «стрекозе».

– Извините, – сказала Алина Витальевна, достала свой содовый и отошла в сторону.

Грязнов удивился, но ничего не сказал.

ПРИГОВОРЕННЫЙ

Рыбак бежал уже несколько часов, не останавливаясь ни на минуту. Он чувствовал себя заминированным механизмом, который если остановится хоть на секунду, то взлетит на воздух.

Раз— два-три-четыре. Раз-два-три-четыре. Раз-два-три-четыре. Глубокий, но не максимальный вдох, три движения ногами, на четвертое -свободный, без напряжения выдох.

При толчках от земли колени должны подниматься достаточно высоко, чтобы у икроножных мышц было время расслабиться, прежде чем стопа вновь войдет в соприкосновение с почвой. Когда-то его забавлял этот парадокс. Чем выше задираешь ноги во время длительного бега, тем больше они успевают отдохнуть.

Раз— два-три-четыре. Раз-два-три-четыре...

Вот уж он точно не думал, что еще способен на такое. Способен, не способен – какая разница. Что делать дальше – вот вопрос. Без денег, без документов, без... Стоп. Ведь он же был в чужой одежде. В одежде случайного попутчика, добравшегося в Скоморохово. Который ехал с ними отнюдь не за спасибо. Рыбак наконец остановился и занялся изучением карманов. В откровенно коротковатых штанах лежала связка ключей и носовой платок. Во внутреннем кармане джинсовой куртки – отлично! – бумажник – портмоне на «молнии».

Итак, что в нем? Водительские права на имя Патрушева Антона Николаевича (надо же, тезкой оказался мужик), его же визитная карточка, фотография женщины лет тридцати пяти с девочкой-подростком и пятьсот тридцать четыре рубля. Ну что ж, уже кое-что...

Деревья так осточертели, что уже прыгали перед глазами. С непривычки легкие горели от такой сумасшедшей нагрузки.

Рыбак выскочил на опушку, резко обрывающуюся десятком метров крутого берега перед нервно вьющейся речушкой. Он спрыгнул вниз и через несколько секунд скатился прямо к воде. Возле самого берега лежал человек. В арестантской одежде. Это был один из его недавних попутчиков.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что Степанцов мертв.

Рыбак сообразил, что с определенного момента, петляя и путая следы, он невольно шел дорогой Степанцова. Теперь это давало ему некоторый шанс. Если преследователи выйдут сюда и обнаружат тело сбежавшего зека, они успокоятся.

Рыбак заново перемотал ногу, переложил деньги, водительские права Патрушева и фото в кармашек портмоне, застегивавшийся на «молнию», подумал, что не плавал своим любимым кролем уже полгода, и вошел в реку...

ГРЯЗНОВ

В кабине он спросил:

– Чем можете похвастаться?

– Боюсь, немногим пока, – призналась Севостьянова. – Зубрицкий Николай Николаевич, двадцать девять лет, фельдшер. Принимал участие в боевых действиях в Чечне. Последние два года работал на «скорой помощи». В пьяной драке убил собственного напарника. Протрезвел и убил еще одного, который пытался на него донести. На свободе остались жена и двое детей, девочки девяти и восьми лет... Федоренко Иннокентий Михайлович, тридцать один год, уголовник с приличным стажем – на зонах (естественно, подростковых) сиживал с пятнадцатилетнего возраста. изнасиловал двух несовершеннолетних. После чего зарезал обеих. Последние восемь лет сидит на героине. Умудрялся доставать его и в тюрьме.

– Это все мы видели в личных делах, – резонно заметил Грязнов.

– Согласно моим исследованиям, сбежавшие заключенные делятся на определенные группы по внешним признакам. Это «квадратные и лохматые», «тощие и вытянутые»...

– Ну что толку-то. По такому принципу можно разделить кого угодно, – протянул Грязнов. – Вот мы с Комиссаровым – «квадратные», Дятел – «вытянутый». Но мы ведь не беглые

зеки.

– Верно. В общей психологии есть деление на такие группы. Просто у зеков качества, о которых я сейчас скажу, становятся гипертрофированными. И в первые дни побега вызывают различного рода недомогания. «Квадратные и лохматые» буквально одержимы стремлением непременно контролировать над ситуацией, они стремятся взвалить на себя побольше ответственности, даже когда их об этом не просят.

– То есть именно они являются инициаторами побега?

– Вполне возможно, хотя я не об этом. Отрицательные заряды у «квадратных и лохматых» скапливаются в затылке. Они мучаются головной болью. Так что, Вячеслав Иванович, если вас когда-нибудь посадят и вы убежите, то не удивляйтесь, что первое время на воле будет трещать голова.

Грязнов тем не менее слушал совершенно серьезно.

– А как будет со мной, Алина Витальевна? – спросил заинтригованный Дятел.

– Пожалуйста, вы все зовите меня по имени, ладно? «Тощие и вытянутые», Леша, отдают свою грудь под хранилище обид, отчего зачастую даже сгибаются характерным образом. Но если в обычной жизни они еще могут как-то с этим бороться...

– А ну выпрямись, – шутливо прикрикнул на Дятла Грязнов.

– ...То в стрессовой ситуации побега они хронически сутулятся, – закончила свой тезис Алина. – Есть еще две груп-

пы. «Круглые и лысые» – они тяжелее всего справляются с одиночеством. И как правило, лишаются сна. «Треугольные и с залысынами» пасуют перед трудностями, боятся даже незначительных испытаний – в противном случае маются животом.

– Так что нам это дает, Алина? Вы предлагаете отслеживать, кто какие таблетки покупает в ближайших аптеках? Кто от головы, кто от живота?

– Это, конечно, не слишком умно звучит, но примерно так. Я пытаюсь составить возможный график их реакций в сложившихся обстоятельствах, исходя из индивидуальных особенностей. Любопытно, кстати, как они ладят между собой. У Зубрицкого две дочери, а Федоренко изнасиловал двух девчонок. Они ведь наверняка все друг про друга знают.

Запищал сигнал радиотелефона. Алина включила общий звук.

– Мы нашли одного, – сказал голос Комиссарова. – Ждем вас.

Через двадцать минут они были на месте.

Первое, что увидели Грязнов и Алина, был Комиссаров, сидевший на узеньком берегу внизу крутого обрыва, ведущего с опушки к нервной, выющейся речушке. Собак оттащили подальше, но все еще не могли утихомирить. Комиссаров был мрачнее тучи.

– Чем дальше в лес, тем толще партизаны, – пробормотал Грязнов.

В десяти метрах от Комиссарова лежал посиневший человек.

– Это Степанцов, – сказал Комиссаров. – Не Федоренко. Не Зубрицкий. Съели?

– Ну вот, Алиночка, – вздохнул Грязнов. – Вы удивлялись, как Федоренко и Зубрицкий сосуществуют вместе? Вот вам и ответ. Никак, потому что один из них остался в сгоревшем автобусе. Вот только кто?

Подбежал возбужденный Дятел:

– Есть анализ группы крови, которую нашли в лесу. Что теперь с ним делать?

– Выбрось, – буркнул Грязнов и полез обратно в кабину вертолета.

ПРИГОВОРЕННЫЙ

Голод не тетка, подумал Рыбак. Тетка бы его накормила и спать уложила, если бы была жива. У тетки когда-то был свой огород – классические шесть соток, – и чего там только не росло!

Из березовой рощи бегом через неубранное ржаное поле он выбрался к цивилизации. «Цивилизация», однако, скрывалась за приличным забором.

Но высокий частокол не мог его смутить. Рыбак легко преодолел препятствие и притаился между фургоном и стеной дома. Большой особняк мог оказаться резиденцией какого-нибудь «нового русского». Хотя вряд ли, не слишком эффектное строение. Что же тогда?

Из фургона тем временем выгружали ящики с бананами. Национальной русской едой. Грузчики не слишком торопились. Проследив маршрут разгрузки, Рыбак совершенно спокойно взял один из ящиков и понес в дом с черного хода. В дальнем конце коридора он заметил нескольких человек в белых халатах. Больница? Уж очень на отшибе. Да какая разница. Вот что делать дальше – это вопрос.

Слева по коридору была душевая. Он нырнул туда вместе с ящиком, который не выпускал из рук. Надо сказать, очень приличная душевая. Аккуратно уложенный кафель был стилизован под серый мрамор. Импортная сантехника пребы-

вала в идеальном состоянии.

В трех кабинках, покряхтывая, мылись пожилые мужчины. Еще две были свободны. Рыбак разделся в раздевалке, повесив свои грязные и мокрые вещи в пустующий шкафчик. И несколько минут оттаивал под мощными потоками горячей воды. Вместе с теплом нахлынули воспоминания.

Это была недолгая иллюзия.

Рыбак заметил, что один из моющихся, высокий и крепкий старик, был примерно одного с ним роста. Рыбак выключил воду и заспешил обратно в раздевалку, пока его не опередили. Довольно быстро он нашел одежду этого старика, кое-как напялил ее на себя, забрал документы Патрушева, снова подхватил ящик с бананами и выскочил в коридор. Нахальный план возник спонтанно.

Как только Рыбак вышел на улицу, водитель фургона прекратил треп и возмущенно уставился на него.

– Сказали, это брак, – не дожидаясь вопроса, объяснил Рыбак и сделал движение, словно хотел загрузить бананы обратно в фургон.

– Чего? Какой брак?! А накладные на что?! – И водила умчался качать права.

Рыбак забросил бананы в кабину и запрыгнул следом. Ключ был в замке зажигания. Главное – не останавливаться. Охранник, прохлаждавшийся возле ворот, вовремя отскочил, и Рыбак просто выбил их. Интересно, подумал он, а выбил бы вместе с охранником или остановился б?

Через несколько минут он был уже далеко и не слышал воплей разъяренного водителя и удивленных возгласов грузчиков. Левой рукой поддерживая руль, правой он вталкивал в себя бананы один за другим, один за другим. Голод не тетка.

Для разнообразия включил приемник. Привычно нашарил в FM-диапазоне «Радио-спорт». Оттуда рывкнул бодрый голос:

«И наконец, не забудьте о самом главном событии дня, которого, я уверен, с нетерпением ожидают миллионы наших соотечественников! О вечернем футболе!!!»

– Черта с два, – сквозь зубы пробормотал Рыбак, и улыбка первый раз за долгое время осветила его сумрачное лицо.

ГРЯЗНОВ

С вертолета передали новые координаты беглеца.

– С территории психушки угнали фургон с фруктами. У одного из пациентов, пока он был в душевой, исчезла одежда. Фургон обнаружили спустя полтора часа, он движется в пригороде Москвы. Это Западное Дегунино. Проще говоря, Речной вокзал... Нет, новая информация, он свернул немного восточнее...

– Что значит – в пригороде?! Что значит – восточнее?! Как это место называется?

– В районе Планерной. Съехал с кольцевой на улицу Свободы... Теперь он на Планерной.

– Уже лучше. Никуда он не денется. По коням! – Грязнов проверил оружие: надежный «макаров» был оснащен обоймой, начиненной ампулами со снотворным. – Никакой самостоятельности! Стреляю только я.

– Секундочку, – попросила Алина. – Психиатрическая лечебница – это же совершенно в противоположном направлении. В этом направлении двигался Степанцов. Но он погиб. А другого беглеца, с автоматом, по описанию похожего на Федоренко видели в семнадцати километрах на северо-восток от места крушения поезда.

– Ну и что, – возразил Дятел. – Взял и повернул обратно. Ходит кругами. Пытается нас запутать.

– Для этого ему нужен моторчик в одном месте. Своим ходом так живо не уйдешь. Вячеслав Иванович, вы от нас ничего не скрываете?

– По коням, – не реагируя, повторил Грязнов, даже не представляя себе, насколько он близок к истине.

ПРИГОВОРЕННЫЙ

Рыбак услышал нарастающий вертолетный шум и ни секунды не сомневался, что он имеет к нему самое непосредственное отношение. Рыбак был уже в Москве и никак не мог для себя решить, хорошо это или плохо. Не было времени на размышления. И на действия-то особенно не было времени. Вертолет так и не появился. Трудно было понять, ведут его уже или нет. Остается лишь надеяться, что преследователи не откроют пальбу посреди оживленного движения.

Рыбак сбавил скорость до семидесяти километров. Проскочив шестнадцатизэтажный дом с вертикальной надписью «Бусиново», Рыбак въехал под мост, развернулся и через эстакаду вкатил на мост, немного затерявшись в общем потоке. Впрочем, он особенно не обольщался. Впереди справа появилось какое-то огороженное поле, не то футбольное, не то... А, да ведь здесь же лошадки водятся...

Рыбак обогнал автобус, резко вывернул вправо и въехал на территорию конефермы. Припарковался на стоянке между двумя грузовиками. В зеркальце бокового обзора увидел, как, бешено сигналив, на трассе показалась «Газель» с шапечками такси и вдруг резко остановилась. Из нее выскочили двое мужчин, как-то суетливо озираясь по сторонам. Один – высокий и худой, другой – коренастый.

Снова слышался вертолетный шум. Коренастый выхватил

из кармана телефонную трубку, что-то сказал в нее, а может, послушал и возбужденно затыкал в сторону конфермы. Они оба запрыгнули в «Газель», и та стала разворачиваться в его сторону. Рыбак окончательно удостоверился, что это за ним, и бросился к зданию.

«Конно– спортивный центр Госкомспорта» -было написано возле входа на гранитной доске.

Рыбак вбежал внутрь и, не дав опомниться изумленному вахтеру, перемахнул через турникет, пробежал по коридору, уверенно свернул налево. Когда-то он тут был частый гость. Так, теперь еще раз налево, тут был черный ход во двор... Рыбак остановился, растерянно обводя взглядом чистую стену, выкрашенную ровным зеленым цветом. Слишком много воды утекло, перепланировка...

Что же делать?! Что же делать...

А, есть еще один вариант!

Он метнулся назад, добежал до развилки, взбежал наверх по лестнице, теперь направо, где же тут туалет? Вот он. Ну если и тут стену законопатили...

Слава богу, окно было на месте. И всего-то невысокий второй этаж. Рыбак рванул на себя раму – и уже через десять секунд вставал с земли, отряхивая испачканные руки. Теперь он был отделен от Планерной улицы широким зданием конно-спортивной базы и двумя рядами высокого забора по бокам.

Рыбак метнулся к конюшне.

Первый же человек, которого он там встретил, невысокий дряхлый старичок, в старенькой, застиранной джинсовке и с бельмом на левом глазу, вцепился в него натруженными руками. Рыбак уже хотел ему двинуть локтем, да не успел.

– Тоха, – как ни в чем не бывало сказал дед, – а я для тебя лошадь еще не приготовил. Вроде бы сегодня не твой денек, а? К «Европе» готовишься?

– Семеныч, – едва сдерживая изумление, пробормотал Рыбак. – Семеныч... ты, это... Верно, сегодня не мой денек, но я все же покатаюсь полчасика. «Европа», – тут он выглянул на улицу: там пока было чисто, – ты прав – действительно на носу. Мне бы такую лошадку, чтоб с ветерком...

– Тогда бери Черепашку, не сомневайся. – Семеныч вывел из стойла невзрачный мешок с костями.

Но Рыбак знал, что в лошадином вопросе внешность часто обманчива.

Семеныч взял откуда-то седло, ласково погладил его и пристроил на Черепашку. Рыбак подумал, что он гладил седло так, как другой трепал бы щечку юной барышни, наслаждаясь нежностью кожи.

Ему вдруг почудилась шумящая и болеющая публика за изгородью, уважаемые распорядители соревнований, вразвалку передвигающиеся кривоногие жокеи в разноцветных камзолах, разгоряченные лошади, звяканье подков, изредка ударяющихся друг о друга...

Снова раздался вертолетный шум.

Рыбак встряхнул головой и сбросил с себя оцепенение. Единственной реальностью была скорость, которую неумолимо развивала Черепашка.

Вот она преодолела полутораметровый забор.

Лошадь коротко вскинула задом и крутанула посреди скачка. Рыбак вылетел из седла и снова опустился в него лишь по чистой случайности.

Почва под ногами для скачек была прекрасная – сухая и упругая глина, усыпанная хвоей. А вот для колес это было хуже, и слава богу, потому что откуда-то сзади вдруг вынырнула «Газель» и ринулась в погоню.

Рыбак постарался пустить Черепашку поближе к деревьям и увидел: придется преодолеть еще одно препятствие.

Канавы были весьма серьезные, как в глубину, так и в ширину. Его лошадь взяла препятствие легко и играючи, выиграв у преследователей еще полкорпуса. Он вдруг понял, что недавний полусон-полубред, случившийся во время аварии, стал явью. Всадник дышал конским потом и сыростью вечерней хвои – сосновый бор соседствовал всей линии скачек. Но «Газель» как будто стала доставать его слева. Рыбак понял, что представляет собой слишком крупную мишень. Он сдвинул бока своей лошади, еще выше привстал в стременах и тревожно оглянулся: долго с автомобилем тягаться было невозможно. Лесной массив заканчивался, и впереди плотной чередой шли маленькие, ветхие одноэтажные частные домики. Впрочем, кое-где среди них попадались вывес-

ки: «Ремонт обуви» или «Прием стеклотары».

На лошади от «Газели», подумал Рыбак. На Черепашке...

«Газель» почти догнала его, но сильно отклонилась вправо и теперь, развивая огромную скорость, пыталась срезать угол. Рыбак в два прыжка пустил лошадь галопом и в ту же секунду увидел боковым зрением, как из машины высунулся человек с пистолетом, который сжимал обеими руками.

Рыбак подумал, что живет, вероятно, последние минуты. Что ж, лучше так, чем... Лучше в движении... Он взял лошадь в шенкеля и сделал усилие, которое передалось лошади, и они влетели в полутораметровый проулок между домишками.

«Газель» въехала следом, но оказалась шире этого пространства. Грязнов успел нажать на спуск, но за долю секунды до этого «Газель» снесла груды кирпичей с углов двух домиков, которые обвалила себе на капот.

В момент выстрела и удара в салоне все перемешалось. Дятла ударило о руль, Алину опрокинуло, Грязнова развернуло на сто восемьдесят градусов, а Комиссаров остался на месте, но именно он-то непостижимым образом и получил приличную долю нейтрализатора, законно предназначавшегося беглецу.

«Газель» стала намертво. Двери были заклинены стенами проулка.

Грязнов, осторожно подняв свалившуюся на пол Алину, глянул вслед удаляющемуся всаднику, потом – на отрубив-

шегося Комиссарова, на вытирающего кровь со лба Дятла. И засмеялся.

РЫБАК

Вялое вечернее солнце на отлете освещало замедлившийся бег Черепашки. Миновав частный сектор, Рыбак представил себе, что доскакал до финишного столба и под воображаемые аплодисменты несуществующей публики остановил лошадь и спрыгнул на землю. Благодарно похлопал Черепашку по разгоряченной шее.

– Спасибо тебе. Никогда не думал, что меня спасет пресмыкающееся. Только вот что теперь с тобой делать?

Тут подошел лысоватый пожилой мужчина. Его за руку держал веснушчатый и рыжий пацан с неестественно длинной шеей.

– Хочу-хочу-хочу-хочу-хочу-хочу! – не переставая, верещал он.

– Сколько стоит покатать ребенка? – спросил мужчина. – Вот этого юного фаната парнокопытных?

– Да! – начальственно пискнул длинношейей пацан. – Сколько стоит меня покатать?

– Даром, – ответил Рыбак и сунул им в руки поводья. – Умеете? Только отведите потом ее в конюшни, на базу, тут рядом, на Планерной, знаете?

Спустя полминуты Рыбак выскочил на дорогу и остановил первую же машину:

– Какое метро ближайшее?

ГРЯЗНОВ

Они все еще стояли перед «Газелью», сделавшейся теперь стационарной штаб-квартирой, и почему-то не заходили вовнутрь. Ездить сама машина не могла, и с помощью эвакуатора ее собирались отогнать на подземную муровскую стоянку. Но пока еще средства спецсвязи из машины не изъяли, и Грязнов со товарищи вынуждены были ждать рядом.

Алина вытащила из кармана раздавленный в лепешку во время аварии сотовый телефон. Внимательно исследовала степень повреждения и с некоторым даже удовлетворением запустила им в стену ближайшего дома.

Комиссаров в хвост и в гриву разносил Дятла, сидевшего во время погони за рулем и сплющившего передок машины в блин. Алина поморщилась.

– Мат имеет терапевтическое значение, – вполголоса заметил Грязнов. – Вы как специалист в области человеческих душ должны бы это знать.

– Человек пережил стресс, – возразила Алина Витальевна. – Дайте ему прийти в себя.

– Какой стресс?! – возмутился Комиссаров. – Этот пацан – наемник, деточка. Он завалил больше людей, чем вы на похоронах видели! Дубина стоеросовая! – он снова набросился на молодого напарника. – Сколько раз предупреждал: не входить в комнату, пока не проверил, что там нет друго-

го выхода! – И, не сдержавшись, Комиссаров закатил Дятлу оплеуху.

Оплеуха, однако, не вышла, поскольку Дятел успел перехватить руку, дернуть ее на себя, подсечь Комиссарову опорную ногу и нанести ответный удар. Через несколько секунд они уже колотили друг друга так, что поднялось небольшое облачко пыли. Самое странное, что, несмотря на удары чудовищной силы, на противниках не было и малейших следов крови.

Грязнов и Севостьянова сперва открыли рты, затем закрыли их и тоже вошли во вкус. Но по-своему. Грязнов сказал:

– Ставлю десятку на Федю. Как пить дать сделает этого парня.

– Ставлю двадцатку на Лешу, – возразила профессиональный психолог. – Он моложе, и если продержится ближайшие пять минут, то победит.

Это не было похоже на серьезную злую драку, скорее – на спарринг. Но поблажек друг другу бойцы не давали и действовали абсолютно серьезно.

Вот Комиссаров сделал короткое обманное движение левой рукой, но Дятел успел среагировать, понял, что его ожидает атака справа, и пошел впротоход, но нарвался на левый кулак, врезавшийся ему под вздох. И рухнул на колени, успев получить еще одну затрещину – сверху и по диагонали – в челюсть.

Падая окончательно, он подцепил Комиссарова за левую

голень, другой рукой врезал ему по правому колену и еще двумя косыми ударами в печень, проведенными с интервалом меньше чем в секунду, отбросил на пару метров.

Тут же они оба вскочили на ноги, и Комиссаров, кружась вокруг более молодого напарника и два раза подряд доставая его в голову, поучительно приговаривал:

– Держи дистанцию, мерзавец, кому говорю, дистанцию держи!

Тут из «Газели» раздался писк, и Алина Витальевна устремилась вовнутрь. А через минуту выглянула с несколько обескураженным видом:

– Целых три сообщения. Во-первых, спецназовцы лошадь нашли. Спрашивают, что с ней делать. Наверное, думали, что мы будем ее допрашивать. Во-вторых, дважды, на станциях метро «Речной вокзал» и «Парк культуры», бдительные постовые задержали подозрительных, как им показалось, субъектов в коротких штанах. Описание субъекта полностью совпало. В обоих случаях субъект вырвался, запрыгнул у постовых перед носом в поезд – и был таков. И наконец, в-третьих. В лесу, в километре от места крушения локомотива, на дереве нашли наручники и цепи, судя по номерам, принадлежавшие зеку, которого мы не брали в расчет и считали погибшим.

Драчуны, и старый и молодой, как по команде опустили руки и посмотрели на своего шефа.

– Только не говорите, что это Рыбак, – попросил Алину

Грязнов.

Севостьянова вытаращила глаза и призналась:

– Описания подозрительного субъекта, которые дали по-
стовые в метро, полностью совпали с внешностью Антона
Рыбака...

Грязнов сплюнул с досады и вытащил сигареты.

– Ну это ладно. А как мы смотрелись? – едва ли не хором
спросили драчуны, переводя дух.

– Хуки и апперкоты были что надо.

– Крюки – тоже. Холифилд с Тайсоном просто отдыхали, –
продемонстрировала знание предмета Алина Витальевна. –
А как вы догадались насчет Рыбака?

Комиссаров отправился к криминалистам за результата-
ми экспертизы, а остальные залезли в машину. Самое время
было выпить что-нибудь согревающее.

– Я не догадался, – сказал Грязнов. – Я просто хотел, что-
бы это был не он.

– Чем же он так плох?

– Напротив, он слишком хорош. Разве вы о нем никогда
не слышали?

– Увы.

– Это... знаменитый спортсмен. Пятиборец. Олимпий-
ский чемпион Сеула. Многократный чемпион мира и всего,
чего можно. А потом – крупный спортивный функционер.
До ареста и суда – президент футбольного клуба «Буревест-
ник».

Алина по– детски округлила глаза.

– А почему вы раньше об этом не говорили, Вячеслав Иванович?

– А зачем? – Грязнов затушил сигарету, сделав всего пару затяжек. – Один из спортивных кумиров восьмидесятых. Грустно это как-то. Я думал, что, может, он остался в автобусе. Хотя, когда узнал, что Рыбак был одним из пяти зеков, двое из которых сбежали... Кстати, еще нужно выяснить, каким это образом были нарушены законы арифметики и три плюс три получилось пять. Мы же точно знаем, что арестантов было пятеро. Очень трудно предположить, что Рыбак, освободившись от сковывающего железа, умчался в лес, забросил его на дерево, а затем вернулся и запрыгнул в догоравший автомобиль. Значит, в арестантском автобусе был кто-то еще. Надо выяснить это у Чичибабина.

– Как странно... – сказала Алина Витальевна. – Знаменитый спортсмен, удачливый бизнесмен, приговорен к пожизненному заключению. Убил свою жену.

– Чего в жизни не бывает, – философски протянул Леша Дятел.

– У нас тут команда стопроцентных холостяков, так что понять все эти тонкости семейной жизни, конечно, сложно. Но дело не в этом, а в его спортивном прошлом, – сказал Грязнов.

– То есть?

– Еще раз повторяю, он был пятиборец.

– Пятиборье – это что-то из легкой атлетики?

– Не совсем. В легкой атлетике есть десятиборье. А в пятиборье из нее – только бег. Остальные виды – плавание, стрельба, фехтование и конкур, верховая езда, в общем.

На некоторое время воцарилось молчание. Члены группы переваривали сказанное. Наконец у Севостьяновой в глазах появился блеск, а на лице явственно проступило изумление:

– Боже мой! Да ведь это же...

– Бег, плавание, лошади – это все те способы, какими он от нас уходил.

– Единственное утешение – что мы проиграли олимпийскому чемпиону, – сознался Дятел.

– Остались еще фехтование и стрельба, – мрачно напомнил Грязнов.

Остальные содрогнулись. И полезли в уже ставшую привычной «Газель» – отдышаться.

– Стоп! – воскликнул Грязнов, – принимая от Севостьяновой очередную чашку кофе. – На каких станциях видели подозрительного типа? На «Речном вокзале» – это ближайшая к тому месту, где мы его упустили. И на «Парке культуры»? Какой был между этим интервал?

– Около получаса.

– А «Парк культуры» – радиальная?

– Да.

– Я знаю, куда двигался Рыбак. На станцию «Спортивная». В Лужники. Он поехал на футбол.

– Куда?! – не поверила Алина.

Дятел благоразумно промолчал.

– Сегодня важный футбольный матч, – терпеливо, как ребенка, объяснил Грязнов. – Наши играют с немцами. А «Бу-ревестник» – это же любимое детище Рыбака.

– Ну и что?! Значит, по-вашему, зек, чудом вырвавшийся на волю, побежит смотреть, как два десятка идиотов пинают мяч?!

Теперь уже промолчал Грязнов, зато высказался Дятел:

– Не двадцать, а двадцать два. Просто женщина этого не поймет.

– Кроме того, в Лужниках будет тысяч пятьдесят народу, не меньше. Искать его на трибунах – все равно что иголку в сене. Нужно немедленно послать туда наш спецназ, кроме того, оповестить лужниковские службы безопасности, размножить фото Рыбака, чтобы на каждом контроле его пасли. А сколько до начала матча? – спохватился Грязнов.

– Полчаса. Успеем ли?

– Размножить фото, пригнать спецназ, взять под контроль все входы.

– По крайней мере, сделаем еще одну попытку.

Алина с сомнением покачала головой и сказала:

– Ладно, мне нужно позвонить.

Сделав свой звонок, она присоединилась к начальству. Начальство, то есть Грязнов, разговаривал с кем-то из администрации в кабинете на первом этаже конно-спортивной

базы. Немолодой нервный мужчина с длинным красноватым лицом бегал перед своим столом взад-вперед и старался не смотреть в глаза Грязнову. Который сидел перед ним и пил свой вечный кофе.

– Ну так что теперь? Арестуете вы его теперь, что ли? Когда какие-нибудь гангстеры грабят банк, вы потом обвиняете кассира? – справедливо возмутился нервный хозяин кабинета.

– Да мне вообще-то без разницы, – согласился Грязнов. – Но зачем же вы держите его на работе? Сами ведь сказали, угнали ценную скаковую лошадь. Сколько она может стоить?

– Тысяч пятьдесят, не меньше, – сказал нервный.

– Вот видите. – Заметив недоумение Алины, Грязнов объяснил ситуацию: – Тутошний сторож любезно предоставил нашему беглецу лошадь и даже оседлал ее, совершенно добровольно, представляете?... Да просто выжил старик из ума.

– Да неправда, неправда! – запротестовал нервный. – Семеныч работал служителем на ипподроме и у нас всю свою жизнь. Нет в России такого чемпиона, которого бы он не обслуживал. И Рыбака, естественно. Жена у деда умерла, дети-внуки за границей, так что он у нас почти на пансионе, даже ночует часто. А зарплата маленькая – так ему уже никаких денег особо и не надо. Лошади – это вся его жизнь. Просто у него глубокий склероз. Вот ему и показалось, что Рыбак – действующий спортсмен.

– У него склероз, а у вас – маразм, – проворчал Грязнов. –

Пошли отсюда. Ищите теперь сами свои четвероногие пятьдесят тысяч баксов.

В эту секунду зазвонил телефон. Нервный взял трубку и через пару секунд жестом попросил Грязнова и Алину задержаться:

– Все в порядке. Лошадь вернулась!

– Неужели сама пришла? – удивилась Алина. – Как собака?

– Нет, мне сказали, что на ней приехал какой-то рыжий шкет. С дедушкой. Желаете посмотреть?

Алина и Грязнов растерянно уставились друг на друга, и наконец Вячеслав заметил:

– Не думаю, чтобы он успел так сильно измениться.

РЫБАК

Дождик то накрапывал, то прекращался, но в целом погода для футбола была идеальная. Не жарко, не холодно, а при наличии хорошего газона и приличного числа болельщиков лучшего и желать не надо.

Лишний билет спрашивали уже на выходе из метро, несмотря на то что до стадиона был еще добрый километр.

Рыбак постарался сразу же затеряться в динамичном людском потоке, реально отдавая себе отчет в том, чем эта затея может для него кончиться.

Он постарался припомнить, когда же последний раз пытался купить билеты с рук, и вышло, что никогда. В детстве со сверстниками он проникал на матчи любимой команды любыми доступными средствами, но всегда – бесплатно. Позже, когда он уже был действующим спортсменом, на живой футбол далеко не всегда находилось время. Ну а когда находилось – знаменитому пятиборцу попасть на любой матч ничего не стоило. Так что, честно говоря, экс-президент футбольного клуба понятия не имел, как и, главное, где продают билеты с рук.

Но вот какой-то шкет как бы невзначай продемонстрировал веером разложенную пачку.

– Есть еще? – глупо спросил Рыбак.

– А то, – ломающимся голосом ответил шкет.

– Сколько стоит?

– Четыреста.

Это было по минимуму раз в шесть больше официальной цены.

– Тогда проваливай, мужик, смотри себе по ящику на халяву.

Рыбак достал деньги и подумал, что не худо бы на всякий случай оказаться как можно дальше от скамейки «Буревестника», от его ворот.

– Ну чего думаешь? – возмутился шкет. – Выбирай скорей.

– Мне бы со стороны ворот «Баварии», – пробормотал Рыбак. – Да ведь как узнаешь, где чьи ворота, до жеребьевки...

– Надеешься увидеть, как «Буревестник» фрицам насует голешников? Законное желание. Бери на юго-восточную трибуну – не прогадаешь.

Двадцать минут спустя, проглотив пару хот-догов и бутылочку темной «Балтики», да еще купив и напялив поглубже «фирменную» бейсболку с надписью «Burewestnik», Рыбак вместе с оптимистичной людской, а по преимуществу мужской массой подтягивался к одному из подъездов Лужников.

Очередь через контроль проходила медленно, болельщики нетерпеливо переминались на одном месте. За десять минут продвигались на пять метров. Обменивались прогнозами на предстоящую игру. Все они были слегка сумасшедшими, поскольку в реальное превосходство «Буревестника»

над закаленными немецкими профессионалами мало кто верил. В ход шли свежие спортивные анекдоты, сплетни. Рыбак просто наслаждался этим. Он знал, что пока находится посреди этого многотысячного болельщицкого пирога, сдавленный боками фанатов любимой команды, добраться до него будет ох как не просто. И эти счастливые мгновения следовало длить до невозможности.

Трепались обо всем на свете. Болтали об экстравагантном Президенте Коми и его любимой команде «Восход».

– И тут он говорит своему тренеру: «Или я прекращаю вас финансировать и всех отправлю вкалывать на завод, или давайте радуйте народ – выходите в высшую лигу. Я взял, говорит, на себя все финансовые обязательства, а они – обязательство выиграть чемпионат». И вышли ведь...

– Вот так и со сборной надо бы...

– За победу над «Буревестником» все игроки должны получить орден «Герой Коми» и двадцать тысяч долларов...

– Да ну, «Восход» – это же не немцы, их «Буревестник» разделает под орех... В первом круге было 4:1...

– Так то в первом. А теперь, без Бруталиса-то?!

– А что Бруталис?! Только и может с точки бить...

– Это Бруталис-то?!

– У брательника жена родила на той самой минуте, когда Бруталис этим «комикам» со штрафного вколотил четвертый банан. Метров с тридцати!

– Хе-хе... Кого родила-то?

– Сына. Я говорю ему, назови Брутом – в честь такого события...

– Хе-хе...

– А он: нет, говорит, пусть лучше будет Даздрапоб! В честь такого события. Представляешь – "Да здравствует победа «Буревестника»...

– Что, правда, что ли, так назвал?!

– Передумал... Жена чуть глаза не выцарапала...

– Ваш билет... ваш билет... Да ты что, заснул?! – Рыбака пихнули в бок.

Он торопливо вытащил билет из портмоне Патрушева и двинулся с ним к контролершам. И тут ему стало нехорошо.

За спинами двух прожженных теток, луцивших семечки практически без помощи рук, маячили два омовца, и, кроме того, к ним направлялся еще один – серьезный и плечистый штатский.

Рыбак невольно оглянулся: бежать было некуда. Он почувствовал себя в ловушке. Силы, чтобы сопротивляться судьбе, были окончательно исчерпаны.

– Ну-ка, ну-ка, – пробормотала первая тетка.

– Ну-ка дай-ка, – добавила вторая, забрав у нее билет Рыбака.

Омовцы тем временем внимательно разглядывали его обладателя.

– Из той же серии, – сказала первая тетка.

– Опять фальшивый, – провозгласила вторая.

– Как – фальшивый? – не понимая смысла этих слов, пролепетал Рыбак.

Омоновцы взяли его под руки.

– Известно как, – сказали тетки-контролерши, – под ксероксом сделанный. Следующий!

Омоновцы отвели Рыбака в сторонку и угрожающе поинтересовались:

– Где билет брал, мужик?

– Так ведь... Тут за углом...

– И много заплатил?

– Четыреста, – честно признался Рыбак.

Омоновцы присвистнули и с жалостью посмотрели на этого простофилю.

– Ладно, замнем, вали отсюда.

В этот момент омоновцев подозвал серьезный и плечистый штатский. Рыбак, еще не слишком веря, что счастливо отделался, двинулся в указанном направлении. Выходит, не слишком оперативно работают московские менты.

Рыбак хлопнул себя по лбу. Ведь для таких безбилетных фраеров, как он, экран на свежем воздухе устанавливают. Вон с той стороны должен быть...

ГРЯЗНОВ

Грязнов только что по телефону допросил двух омоновцев с Лужников. Эти растяпы задержали Рыбака, потому что у него был фальшивый билет, но потом отпустили. И буквально спустя минуту от своего начальства получили фото Рыбака с приказом немедленно хватать всех, кто хоть отдаленно его напоминает. Но, конечно, Рыбака уже и след простыл. По словам омоновцев, билет купил, изрядно за него переплатив. Выходит, беглец уже при деньгах. Ему кто-то помогает?

Снова запищал телефон. Севостьянова сняла трубку и обрадовалась.

– Привезли конвоира, который сопровождал зеков, – сообщила она. – Чичибабина. – Где будем допрашивать?

Грязнов увидел крупного мужчину с заливчатскими усами. Действительно, где допрашивать этого Буденного? Надо дать Федору возможность поработать...

– Лучше прямо здесь, в машине, – читая его мысли, предложила Алина.

– Как вы объясняете, что один из заключенных погиб не во время аварии, а от огнестрельного ранения? – рявкнул Грязнов.

– Что же тут объяснять, – пожал плечами Буденный-Чичибабин. Когда автобус перевернулся и я наконец пришел в себя, то увидел, что этот толстяк уже выбирается наружу. Бе-

жать, значит, пытается. Инструкция на этот счет однозначная. Тем более это зек был. Я предупредил его, он не реагировал и продолжал... продолжал это... свои противоправные действия, вот. И я открыл огонь на поражение.

– Изъясняйте проще, – предложила Алина. – Нормальным бытовым языком. Можете?

– Значит, толстяк по фамилии Бондарь оказался самым проворным? – уточнил дотошный Дятел.

– Выходит, так.

– Как вы полагаете, это было стечением обстоятельств или он планировал побег? – спросила Алина.

– Это что, перекрестный допрос? – Чичибабин обвел взглядом всех троих. – Ну ладно, как хотите. Так что вы там спросили? А... Не-а, случайность вышла, какой там план. Кто же мог знать, что нас на трассе так занесет?!

– К этому мы еще вернемся. Как отреагировали остальные заключенные на ваши действия? – спросил Грязнов.

– Известное дело, набросились на меня.

– Что, все одновременно?

– Послушайте! Не сбивайте меня с толку. Я и так еще не в себе. Значит, набросился один, и я его двинул прикладом...

– Кого именно?

– Да что же я, помню, что ли?! Может, мне надо было сперва записать его номер или имя, а потом защищаться?!

– А что в это время делал ваш напарник?

– В отключке пребывал, счастливчик, – усмехнулся Чичи-

бабин.

– Ладно. Теперь о трассе. Почему машина потеряла управление?

Чичибабин пожал плечами:

– Скользко... И встречный какой-то тип, лихач, из-за поворота выскакивал. Наверное, наш шофер срезал угол, чтобы проскочить. Ну и проскочил. Только к парапету так занесло, что не вырулил.

– Какая машина на вас выскакивала, можете вспомнить? – Дятел внес свою лепту.

– Шутите?

– Легковая, грузовая?

– Легковая... – Чичибабин пожевал нижнюю губу. – Или грузовая? – И через паузу добавил, словно про себя: – А может, автобус...

– Что-то необычное этому предшествовало? – настаивал Грязнов. – Поведение заключенных? Они разговаривали между собой?

– Да нет вроде, это у нас не слишком поощряется. Хотя, конечно, в дороге не запрещено разговаривать.

– По-моему, ваши поощрения или выговоры зекам, получившим такие сроки, должны быть до фени.

– И то верно.

– А где ключи от наручников? Покажите мне их, – Грязнов уверенно протянул к усатому руку. – Или вы их сдали оперативникам? Но я что-то не получал таких сведений.

– У меня... их нет.

– Вот как? И где же они?

– Я... не знаю. Наверное, остались у напарника.

– У какого напарника? – мягко уточнила Алина. – У вашего напарника?

– Ну да, – снова обрел уверенность Чичибабин. – У Борьки.

– Согласно правилам, ключи должны быть у начальника конвоя. Как же так получилось?

– Согласно правилам, – вдруг выпалил Чичибабин, – автобус должен был идти со скоростью, не превышающей восемьдесят километров в час!

– Вот как, – деланно удивился Грязнов. – А разве ваш водитель нарушил инструкцию?

– Да, и когда я это заметил, было поздно. Вы посмотрите тормозной путь!

– Вы отлично знаете, что шел проливной дождь, какой может быть тормозной путь?! – возмутился Дятел.

– Ты, сопляк, меня не учи! – взорвался Чичибабин. – Тебя там не было! Думаешь, большая лафа – головорезов возить?! Шиш с маслом, тоже мне внутреннее расследование. Кина, что ли, американского насмотрелся?!

– Действительно, Дятел, – вступился только вошедший Федор. – Что ты пристал к человеку? – Он посмотрел в глаза Чичибабину, увидел там благодарность и коротко двинул его под вздох. Усатый охранник беззвучно открыл рот и рухнул

на пол.

Алина и Дятел тоже открыли рты, и лишь Грязнов, пре-
красно понимавший, что для подобных радикальных дей-
ствий нужны крайние обстоятельства, даже не пошевелился.

Комиссаров поднял усатого на ноги и толчком отправил в
пустующий дальний угол. Все сиденья оккупировали члены
«группы обхвата».

– Криминалисты нашли в салоне автобуса пули из его ав-
томата, – объяснил Федор. – И еще – в одном из погибших.
Предположительно в водителе. Если стрелял этот сукин сын,
а кто же еще мог это сделать из его автомата, то выходит,
он пытался кому-то организовать побег. Ну-ка рассказывай,
гад, как было.

РЫБАК

Большой экран был составлен из десятков маленьких экранов-кубиков и представлял собой визуальное отражение происходящего на поле. Собственно говоря, это была прямая телетрансляция, та же самая, что наблюдали и другие болельщики – у экранов домашних телевизоров, только здесь диагональ такого «телевизора» представляла собой метров пятнадцать, никак не меньше. И кроме того, поскольку этим зрелищем не попавшие на стадион компенсировали свое разочарование прямо у его стен, то создавался эффект присутствия. Тем более что не меньше чем из собственно телевизора – из самих Лужников было слышно все то же самое. Экран зажегся.

Глядя на то, как испанский судья и два капитана, Олег Шибанов и Рихард Шульц, в центре поля разыграли, кому какие достанутся ворота, Рыбак, вспомнил, что ведь именно он был первым человеком в Москве, два года назад сделавшим этот почин – большие экраны за стадионом во время крупных матчей. Впрочем, в первый раз этот экран был начисто разбит: «Буревестник» тогда умудрился проиграть на своем поле миланскому «Интеру» со счетом 1:5! И верные болельщики продемонстрировали свою признательность.

Через несколько секунд после изображения появился и голос:

«Добрый вечер! Мы начинаем прямой репортаж с Большой спортивной арены „Лужники“ о первом полуфинальном матче кубка УЕФА, в котором встречаются команды „Буревестник“ (Москва) и „Бавария“ (Мюнхен)».

Возник спонтанный рев болельщиков со стадиона и извне.

«Не могу сказать, что стадион заполнен до отказа, но по меньшей мере пятьдесят тысяч болельщиков пришли поддержать своих земляков», – включился второй комментатор.

Эти два голоса были знакомы Рыбаку, как, впрочем, и тысячам других болельщиков. Вот только Рыбак знал обладателей этих голосов и лично.

«Составы играющих команд...»

Тот, что был помоложе, словно объявляя о выходе на ринг знаменитого чемпиона, нараспев произнес:

«На матче присутствует мэр Москвы...»

«Не стану скрывать, что я преисполнен оптимизма. Наш „Буревестник“ – это команда, в которой в каждом новом матче может „выстрелить“ новый футболист».

«Посмотрите, кто забивал за „Буревестник“ в этом сезоне. Двенадцать футболистов! „Буревестник“ забивает не только много, но и разнообразно, и от разных игроков постоянно исходит угроза воротам противника».

“Стандартная схема игры «Баварии» в матче на выезде сугубо оборонительная. Два центральных полузащитника практически не покидают свою половину поля... Это также внушает некоторые надежды на успешную игру «Буревест-

ника».

«На флангах работают защитники. Все хавбеки, по сути, центральные. Иногда появляется чистый левый форвард... но сегодня он остался в запасе, и оба нападающих – Джорджевич и Кингстон – действуют в центральной зоне».

«Да, большая потеря для „Буревестника“ – переход Константина Бруталиса, двадцатитрехлетнего полузащитника, и не куда-нибудь, а именно в мюнхенскую „Баварию“. И надо же такому случиться, чтобы один из первых официальных матчей за новый клуб он играл против своей предыдущей команды. Хотя пока что на поле его нет...»

«Чего греха таить, нам всем откровенно повезло, что сразу после этого трансфера, так ослабившего московский клуб, в „Буревестник“ перешел Георгий Манцов, опытнейший игрок... Внимание, Манцов с мячом! На ложном замахе он проходит сразу двух игроков „Баварии“, но поскользывается и теряет мяч... Да, дорогие друзья, сейчас мы видели в полном блеске Георгия Манцова, опытнейшего игрока, немало повидавшего клубов на своем веку, не слабее прославленной мюнхенской „Баварии“...»

«Тринадцать», – оперативно успел вставить другой комментатор.

«Что?» – сбился первый.

«Тринадцать клубов повидавшего. Манцов – личность действительно легендарная в нашем футболе. Ветеран сборной и автор просто поразительного рекорда. Жора провел

шестнадцать игр за сборную СССР и тридцать пять за сборную России».

«В чем же тут рекорд?! – фыркнул первый комментатор. – В истории нашего футбола есть игроки, которые сыграли много больше».

«А рекорд в том, что ни одну из этих игр Манцов не довел до конца! Он либо выходил на замену, либо тренеры его самого меняли на другого игрока. Но гораздо чаще он был травмирован по ходу матча. Та же история происходила и в клубах, за которые он выступал, – Манцов поиграл в командах Швеции, Финляндии, Голландии, Франции, княжества Лихтенштейн и в восьми командах Украины и России. Беспрецедентный результат! И из трехсот двадцати девяти игр полностью все девяносто минут он сыграл только двадцать девять раз».

«Хм...»

«Так что, к вечному сожалению болельщиков, Манцов постоянно травмирован и постоянно в стадии перехода из одного клуба в другой. Сегодня он выполняет функции опорного полузащитника в „Буревестнике“. Это его тринадцатая команда. Остается надеяться, что несчастливая примета здесь не сработает...»

«Внимание! – с пафосом перебил первый. – Манцов получает острую передачу от Шибанова, делает обманное движение...»

«Но теряет мяч... Сейчас вы скажете, что ему не всегда

хватает координации движений?»

«Именно, дорогой коллега, не хватает координации движений!»

«Мяч подхватывает Алемар, перебрасывает Кингстону, тот в одно касание отдает безукоризненный диагональный пас Шульцу!»

«Тот разгоняется по правому флангу и, если успеет, сейчас сделает острейшую навесную передачу в штрафную площадь „Буревестника“, там уже три игрока немецкой команды и только один наш защитник! „Буревестник“ слишком увлекся атакой!»

«Но нет, Шульц смещается в центр! А Георгий Манцов на запредельной скорости уже успеваает вернуться в защиту! И, вытягиваясь в немислимом шпагате, изменяет направление мяча, который Шульц адресовал на левый фланг к Алемару!!! Угловой», – с облегчением вздохнул второй комментатор.

«Блестящий футболист», – первый внес свою лепту в разбор эпизода.

«Но что это?! Манцов не встает с газона. На поле появляется врач. Игра остановлена...»

«Дорогие друзья, к сожалению, талантливейшего футболиста Георгия Манцова увозят с поля. Судя по всему, во время выполнения шпагата он растянул паховую мышцу. „Буревестник“ срочно проводит замену...»

«Но что это, почему шумит стадион? А, все понятно. За-

мену также проводит тренер „Баварии“ Ариго Капелло. Вместо девятого номера, Рихарда Шульца, в игру вступает Константин Бруталис, номер семнадцать. Не пойму вот только, приветствует стадион своего недавнего любимца или освистывает?»

«Следует подача с правого фланга, на выдвинувшегося к воротам Алемара. Выпрыгнувший защитник головой мяч не достал, и Алемар спокойно остановил его правой ногой, и... о господи! Упредив падающего в прямом подкате вратаря, убрал мяч влево и уже свободно и спокойно мягким даже не ударом, а скорее броском послал его в пустые ворота. Последняя минута тайма – и гол, забитый за считанные секунды до свистка, привел стадион в состояние шока, а Алемар, раскинув руки, словно в полете, неспешно побежал к партнерам... Но... судья мяч не засчитывает! Офсайд! Положение вне игры!»

«Слава богу!»

«Надо заметить, что игроки явно сбавили темп. В игре наступило затишье».

«Это не затишье, это перерыв. Статистика первого тайма показывает, что „Бавария“ безусловно имеет преимущество, но преимущество это территориальное. По крайней мере, ударов в створ ворот команды нанесли равное количество».

«Надо объективно заметить, что Бруталис совершенно незаметен в составе „Баварии“. Уж простите за тавтологию».

Бавария Буревестник

8 удары 4

3 в створ ворот 3

3 угловые 3

6 вне игры 0

9 нарушения 10

ТУРЕЦКИЙ

Турецкий лежал на своем любимом диване, отхлебывал полюбившуюся буря-колу и, выключив звук телевизора, мрачно наблюдал полное бессилие «Буревестника» начать конструктивную игру и такое же бессилие «Баварии» забить наконец мяч.

– Буря, скоро грянет буря, – пробормотал Турецкий, чувствуя недоброе.

Вот Шибанов сбивает Джорджевича на подходе к штрафной площадке. Очередной свисток арбитра. Бруталис подходит к мячу. Прямой удар не может быть нанесен. «Стенка» прикрывает ближний к Бруталису угол. Вратарь руководит ею минуты полторы, сдвигая игроков буквально на миллиметры. Сам он располагается почти посередине, имея в виду в первую очередь защиту дальнего угла.

Бруталис оставляет себе для разбега пять метров.

Через две секунды после свистка, приглашающего его пробить штрафной, он разбегается и... почти остановившись перед мячом, почему-то бьет с места. Стадион замирает.

Вратарь, проявив чудеса реакции, в изумительном прыжке отправляет свое длинное тело в правый верхний угол.

«Стенка», успев отреагировать на разбег Бруталиса, подпрыгивает как по заказу, надеясь достать мяч головами.

А Бруталис почему-то бьет низом... и мяч уходит по травке, под ногами подпрыгнувшей в этот миг «стенки» из шести футболистов – аккуратно в левый ближний угол! Гол.

Стадион затаился.

Бруталис победно вскинул руки, прошелся колесом, сделал кульбит и ринулся в объятия своих из «Баварии».

Счет открыт – 0:1.

Принципиальность поединка нашла воплощение прежде всего в бешеном настрое гостей. И через две минуты мюнхенские футболисты провели еще одну блестящую комбинацию. По-немецки строгую и практичную атаку четким ударом из района одиннадцатиметровой отметки пушечно завершил Шульц. Москвичей спас Козленок (или Козлёнок?) от всей души вынесший мяч из штрафной. Удар у него получился едва ли не сильнее, чем у Шульца. Но мяч срезался с бутсы, и Турецкий, к вящему изумлению, увидел, что летит он буквально... в него! Через секунду изображение погасло, пошли помехи, а из динамиков – треск.

Мяч угодил прямо в камеру оператора.

Турецкий, опрокидывая буря-колу, ничком свалился на пол и затрясся в немом хохоте. Услышав странные звуки, в комнату заглянула Ирина Генриховна, но к этому в времени трансляция переключилась на другую камеру, изображение на экране восстановилось, а Турецкий, утирая слезы, перебрался обратно на диван.

Супруга пожала плечами и ушла. Болельщики – чокнутый

народ.

РЫБАК

Рыбак уже не строил больших иллюзий по поводу игры. И теперь чаще и внимательнее поглядывал по сторонам. Не забывая при этом перемещаться на новое место каждые пять минут.

А матч продолжался.

«Вы знаете, – говорил один комментатор, – перед матчем тренера немецкой команды попросили прокомментировать игру „Буревестника“. Ариго Капелло сказал: „Бавария“ никогда не подстраивается под игру соперника, а пытается навязать ему свою. Все остальное – внутренние дела соперника. А на них мы чихать хотели».

«Игра продолжается агрессивными атаками „Баварии“, – говорил второй. – Из центра поля мяч отправлен на правый фланг, оттуда идет довольно невнятный навес, на который тем не менее успеваает левый крайний! Это Кингстон».

«Обыграв выпрыгнувшего защитника, он отбрасывает мяч ногой вправо набегающему Джорджевичу. Тот, против ожидания, не бьет сразу, хотя до ворот метров пятнадцать, всего ничего, а бросается на обострение, опережает защитника и бьет в ближний угол в противоход выскочившему голкиперу „Буревестника“!»

Рыбак почувствовал, что ему стало нехорошо. И подумал, что более идиотской ситуации придумать невозможно. Здо-

ровый взрослый мужик бежал фактически от верной гибели и теперь стоит и жует сопли по поводу того, что его любимая команда позорно продувает немцам у себя дома.

«Гол! Какой ужас...»

«0:2? Нет, снова офсайд! Судья матча, испанский арбитр Гарсия Арандо, гол отменяет».

«Фу– уух... Ну-ка давайте посмотрим повтор этого эпизода... Вот она, передача. И наверное, все-таки в этой передаче офсайда не было», -предположил один комментатор.

«Ну это еще как сказать. Возможно, с другой точки видно, что офсайд все-таки был», – возразил другой комментатор.

«Однако все равно гол правильно не был засчитан, поскольку решающий удар Джорджевич наносил уже после свистка», – парировал первый.

«Гм... Тем не менее положение вне игры было зафиксировано неверно, а значит, и свисток, это зафиксировавший, был неправомочен».

«Однако же свисток прозвучал, многоуважаемый коллега, и это значит, что игра должна быть остановлена. И если все, кому не лень, после свистка начнут бить по мячу...»

«Хотелось бы напомнить, дорогой коллега, что... О-о-о! А-а-а! Это... Гол? Гол... Гол!!!»

1:1.

«Давайте посмотрим на повторе, что же произошло. Подключившийся к атаке центральный защитник Виталий Коз-

ленок...»

«Козлёнок», – поправил ударение второй комментатор.

«Это еще как сказать. Так вот, центральный защитник „Буревестника“ Виталий Козленок...»

«Козлёнок, уважаемый коллега».

«Короче, защитник „Буревестника“ классически поддержал атакующий демарш, подавив центр и сделав безучастными статистами защиту „Баварии“. Закрытая манера ее игры лишила команду всех шансов. Козленок сделал сильнейший прострел, и один из игроков гостей срезал мяч в собственные ворота. И кто же это был? Не может быть!»

«Да, – хором философски протянули комментаторы. – По иронии судьбы, именно Бруталис забил оба мяча в сегодняшнем матче».

ТУРЕЦКИЙ

Турецкий мысленно сорвал с себя мысленную же кепку и подбросил вверх. Мысленная кепка не вернулась, поскольку повисла на люстре. Тогда Турецкий мысленно обнялся с соседом.

На радостях он даже включил звук.

«...А вы знаете, уважаемый коллега, что недавно вышли мемуары нашего знаменитого форварда и тренера Никиты Павловича Симоняна, в которых он вспоминает, как впервые увидел штрафные удары в исполнении выдающихся бразильских футболистов на чемпионате мира в Швеции, аж в пятьдесят восьмом году! Вот что он пишет... вот что он пишет... вот что... где же это... ага! „Диди будто поставил целью потрясать нас – и потрясал. Игрокам сборной СССР еще раньше говорили, что он блестяще выполняет штрафные удары, но ничего подобного никто не ожидал. Выстроилась „стенка“ метрах в двадцати от наших ворот. И вдруг Диди мягко швырнул мяч через „стенку“ внутренней стороной стопы, придав ему вращательное движение. Мяч уходил от Яшина, и он достал его только кончиками пальцев. Зато второй удар бразилец выполнил внешней стороной стопы, и мяч, огибая „стенку“, пошел в угол ворот. Вот так выглядел знаменитый „сухой лист“, который пошел именно со шведского чемпионата“. Не правда ли, очень похоже на Брута-

лиса? Жаль, жаль, хорошего игрока потерял „Буревестник“. Конечно, ему немного не хватает координации движений...»

«И часто вы, дорогой коллега, носите с собой эту книжечку? – ехидно поинтересовался собеседник, видимо не согласный с этой точкой зрения. – Если бы Бруталис остался, он бы забил штрафной „Баварии“, а в свои ворота – „Буревестнику“, вот и вся разница. А счет был бы тот же».

Тут дверь тихонько скрипнула, в комнату вошла дочь Ниночка и сказала:

– Папа, наш с мамой телевизор сломался.

– Да, – не отрываясь от экрана, сказал Турецкий.

– Что значит да? Я же с тобой не по телефону разговариваю.

– Извини, Нинуля, ты права, – немедленно сдался Турецкий. – Очень жаль, что ваш с мамой телевизор сломался.

– Совсем другое дело, – похвалила дочь. – А теперь дай, пожалуйста, посмотреть мультики. По второму каналу.

– Ни в коем случае! – испугался Турецкий одной мысли что-то пропустить. Дети – как Пушкин – это наше всё. Но футбол – еще больше. Он вздохнул: – Пока не закончится матч, никак не могу.

– Значит, не дашь.

– Увы.

– Так-так-так. – Нинка забарабанила пальцами по обоям. – Папа, ты ведь Александр?

Турецкий кивнул и, почувствовав недоброе, убрал звук

телевизора.

– А раз ты Александр, значит, ты Саша... Тогда вот:

Жади́на– говяди́на,

Ту́рецкий... -

тут она сделала паузу, -

барабан.

Кто на нем играет?

Саша– таракан.

Исчерпав свой обличительный пафос, Ниночка гордо удалилась.

Что делать, отцы и дети – вечная проблема. Такая же вечная, как мультфильмы и футбол.

Ту́рецкий тяжело вздохнул и включил звук.

Репортаж вели два голоса, веселый молодой, незнакомый Ту́рецкому, и слегка надтреснутый, знакомый до боли вот уже лет тридцать. В их диалогах явно ощущалась внутренняя конфронтация. Молодой с энтузиазмом говорил:

«Особую пикантность ситуации придает тот факт, что оба мяча (и в свои, и в чужие ворота!) забил проданный буквально накануне матча из „Буревестника“ в „Баварию“ полузащитник Константин Бруталис. Звезда российского футбола совершенно уникально пробивает штрафные и угловые удары, а в остальной игре – абсолютно бездарна... или бездарен... Как вы полагаете?»

«Я полагаю, – отвечал надтреснутый, – звезда не может быть абсолютно бездарна... или бездарен? Вот ведь черт...»

«Вот именно. И тем не менее рациональные немцы позарились на этот редкий талант».

«Почему же редкий? Помнится, в шестидесятые годы в киевском „Динамо“ был такой полузащитник, Виктор Серебрянников. Он за сезон с одних штрафных ударов забивал не меньше десяти мячей».

«К сожалению, в те времена наши футболисты не могли играть в иностранных командах».

«Почему же – к сожалению?» – снова проскрипел надтреснутый. Кажется, он готов был спорить по любому поводу, просто из принципа.

«Кстати, – сказал молодой, – если уж говорить о киевлянах, Олег Блохин вколотил потрясающий штрафной той же „Баварии“ в матче за суперкубок в семьдесят пятом году. А в восьмидесятых в советском футболе было уже великое множество игроков, помноживших игровую фортуна на профессиональное умение забивать хитрые мячи со штрафных. Причем почему-то особенно в командах остальных союзных республик».

«Да что это вы такое говорите?! – немедленно заорал надтреснутый. – Почему же именно в остальных?! А Гладилин в московском „Спартаке“?!»

«А Плоскин в одесском „Черноморце“?!» – распалился молодой.

«А Желудков в ленинградском „Зените“?!» – парировал надтреснутый.

«А Соколовский в донецком „Шахтере“?!»

«А Добровольский в московском „Динамо“?!»

«А Оганесян в ереванском „Арапате“?!»

«А Якубик в московском „Динамо“?!»

«Какой Якубик, какой Якубик?! Якубик играл в „Пахтакор“!»

«Якубик играл в „Динамо“! А потом перешел в „Пахтакор“! Эрудиции вам не хватает, молодой человек!»

«Да Якубик играл в „Динамо“ еще в семидесятые! А мы говорили про восьмидесятые!!!»

«Ах так! Ах так... Тогда Андреев в ростовском СКА, вот!»

«Да Андреев вообще штрафные не пробивал! А Нарбековас в „Жальгирисе“?!»

«Как это Андреев не пробивал?! Да... О... На этой оптимистической ноте мы прощаемся с вами, дорогие друзья. Репортаж был подготовлен главной редакцией спортивных программ первого канала Российского телевидения, режиссеры трансляции Ян Садеков и Раиса Панина, комментатор Степан Переверзев».

«И Петр Волков», – успел добавить молодой.

ГРЯЗНОВ

Грязнов делал вид, что думает, а остальные делали вид, что не мешают.

Комиссаров с Дятлом затеяли тихий спор о недостатках и преимуществах кикбоксинга.

Алина куда-то звонила.

Так– так-так.

Увы, бредовая версия, что охранник Чичибабин помогал организовать побег, не проканала. Кабы все было так просто, Рыбака бы взяли тепленьким, в постельке, если он там лежит. Да лежит, лежит, должен же он когда-то спать, в конце концов, даже пятиборцы иногда спят. Конечно, очень редко, наверное, всего пару раз в году, но все-таки.

Ну что ж, делать нечего, придется работать...

Полтора часа назад Грязнов распорядился собрать сведения о всех мужчинах в возрасте тридцати – тридцати пяти лет, исчезнувших несколько дней назад из Москвы и имеющих родственников (предположительно шурина) в деревне Скоморохово Владимирской области.

А полчаса назад охранником Чичибабиным, страстно желающим «всенепременно искупить и загладить», не нарываясь при этом больше на кулак Комиссарова, с большой долей вероятности был опознан снимок Патрушева Антона Николаевича, банковского служащего, жителя Москвы, прожи-

вавшего на улице генерала Берзарина, 17-31. Именно он оказался последним и несанкционированным пассажиром тюремного «мерседеса».

В день аварии этого автобуса Патрушев отправился на своей машине («ВАЗ-21043» темно-синего цвета, номер 22-677) к своему шурину Авдееву Матвею Матвеевичу в деревню, на рыбалку. Но до упомянутого шурина так и не доехал. Поскольку Патрушев должен был на следующий день позвонить своей жене, но этого не сделал, она сама связалась с Авдеевым, и совместными усилиями они установили, что Патрушев из Москвы уехал, а в Скоморохово не доехал. Еще через сутки жена Патрушева, не выдержав неизвестности, сообщила об исчезновении мужа в милицию, и еще через десять часов темно-синий «ВАЗ» был обнаружен на обочине шоссе в сорока пяти километрах от места аварии тюремного автобуса.

Теперь— то Грязнов знал, кому на самом деле принадлежат останки «заклученного Рыбака».

Теперь он знал, что Рыбак мог воспользоваться одеждой Патрушева и документами. Он мог даже забрать с шоссе его машину, а впрочем, она была неисправна и не стоила такого риска и трудов.

Конечно, Рыбак должен был отдавать себе отчет в том, что рано или поздно то, что он остался жив, будет обнаружено и погоня за ним станет персонифицированной. Его не будут теперь принимать за другого. Его будут преследовать день и

ночь не как абстрактного зека, а как человека, про которого все известно. Известно его преступление, известна его прошлая жизнь. Значит, можно предположить, что он станет делать, куда пойдет, к кому обратится.

Ведь смог же, в конце концов, Грязнов спонтанно вычислить, что первым делом Рыбак отправится на футбол... А впрочем, дальше-то что? Футбол закончился, и Рыбака не поймали. Что же он теперь, страстный болельщик, в Мюнхен, что ли, поедет через две недели, на ответную игру?!

Чушь.

Но бегаёт он, конечно, лихо. Своим ходом такого мужика нипочем не догнать. Рыбак – это вам не рабфак...

Конечно, в прошлой жизни Рыбак был человеком весьма состоятельным, наверное, с серьезными связями. Вполне может найтись кто-то, кто поможет ему убежищем или деньгами...

Стоп. Деньгами.

Жена Патрушева сказала, что кроме водительских прав у мужа в портмоне было никак не меньше полутора тысяч долларов. А может, и больше. Патрушев накануне получил зарплату. Значит, вот этими-то деньгами Рыбак и расплачивался за билет. Естественно, он истратил не все. Естественно, еще будет покупать себе пищу, одежду и, возможно, платить за ночлег. Причем в самое ближайшее время. Возможно, в эти самые минуты.

Так– так-так.

Грязнов отхлебнул кофе из кружки, подsunутой Алиной.

Патрушев работал менеджером в Аникор-банке. А ведь банк – организация серьезная. Все живые деньги там всегда подлежат строгому учету. И наверняка номера любых купюр фиксируются. В том числе и тех, что выдаются сотрудникам в качестве заработной платы. Значит...

– Послушайте, Алина, – не выдержал он, увидев, как Севостьянова снова собирается уединиться и куда-то позвонить. – Так больше нельзя. Объясните наконец, куда вы звоните все время?! Я надеюсь, что это не...

Грязнов ждал. Комиссаров с Дятлом оставили философский спор о кикбоксинге. Алина покраснела и молчала.

– Извините, Вячеслав Иванович, – сказала она, – вы уже давно коситесь, надо было мне сразу сказать...

Грязнов не отрицал и молчал, предчувствуя недоброе. Неужели стучит девка? Жаль, очень жаль.

– Я... мне... у меня рыбки.

– Чего?!

– Я завела аквариум с рыбками. Как раз накануне того, как началась эта наша нескончаемая погоня. И ужасно за них беспокоюсь. Дело в том, что у меня кошка, очень вспыльчивая. Вот я и поручила соседке заходить в квартиру и контролировать время от времени. Извините. – Алина была явно смущена.

– Ну просто сказка о Рыбаке и рыбках! – заржал Комиссаров.

РЫБАК

Город давил огромным количеством людей, машин, нависающими зданиями, блестящими витринами, рекламой. Ветер шевелил разноцветные растяжки на широком проспекте Мира, которые следовали одна за другой.

«Группа „Сплин“ в „Олимпийском“!»

«Балет Мориса Бежара в Большом!»

«Новый фильм Кшиштофа Занусси в Киноцентре!»

Занусси...

Клубы дыма опутали его мысли, и он даже не удивился. Это происходило последние полгода практически каждый день, и уж наверняка – каждую ночь. Дым, огонь, ускользающий кислород.

Занусси...

Он хорошо помнил тот день, когда почти полтора года назад привез домой на собственном джипе роскошную четырехконфорочную газовую печь «Занусси». И к изумлению соседей и восторгу Марины, практически сам, в одиночку внес ее в квартиру. Мог ли он тогда предположить, что вот так он ее и убьет?

Он стряхнул с себя воспоминания, пересек в подземном переходе проспект Мира и двинулся к «Макдональдсу». Какие-то деньги еще оставались. По крайней мере пару гамбургеров за тринадцать рублей взять можно, а там видно будет.

Улица давила огромным количеством людей, машин, нависающими зданиями, блестящими витринами, рекламой. И все бесконечно двигалось, перемещалось, все, казалось, заглядывали ему в лицо. «А не вы ли тот самый беглый?…» Так и до паранойи недолго. Но лучше паранойя, чем двадцать лет на нарах. Хотя, наверное, это одно и то же.

Что же делать, что же делать?! Говорят, извечный вопрос русского интеллигента, но ведь он себя таковым никогда не считал… Сначала спорт, потом бизнес, а это, в общем, тоже спорт. Какой уж тут интеллигент.

Пожалуй, единственный человек, к которому можно было обратиться, знакомый не знакомый, коллега не коллега, даже наоборот, но, скорей всего, он сейчас в своем Сыктывкаре, и дозваниваться до него бесполезно, а если даже теоретически возможно пробиться сквозь батальоны секретарш, то что же, называть свое имя, компрометировать его? Но если даже он и в Москве, то либо в Совете Федерации, либо в гостинице «Россия». Соваться и туда и туда – самоубийство.

Вот вопрос вопросов: что можно сделать со своей внешностью, чтобы она изменилась и не бросалась в глаза?

Одно исключает другое. Отпустить бороду? Он и так уже не бреется несколько дней. Перекрасить волосы? Пожалуй… Черные очки? Ни в коем случае. Это хорошая психологическая защита и прекрасный способ возбуждения любопытства. Цветные контактные линзы?

По большому счету, годится только пластическая опера-

ция. Но – не смешно. По большому счету... Жратву не на что купить, а тут...

Расправившись с немудреной едой, Рыбак пошел в туалет. Туалет был на втором этаже, и, когда он поднимался по лестнице, помимо идиотского желтого клоуна на скамейке ему сопутствовали большие портреты спортивных знаменитостей – Ирины Приваловой, Евгения Кафельникова, Гарри Каспарова... (это потому что «Макдональдс» в двух шагах от «Олимпийского»). Давно ли он сам входил в их число... да, пожалуй, не так уж и недавно, но ведь всегда оставался в кругу элитной спортивной тусовки – и когда только закончил выступать, и когда начал заниматься футбольным бизнесом.

Рыбак заперся в крайней кабинке и стал по возможности приводить в порядок одежду. Потом снова открыл портмоне покойного Патрушева. Там оставалось восемьдесят рублей с копейками. А еще фотография женщины с девочкой, водительские права и визитная карточка. «Патрушев Антон Николаевич, менеджер отдела кредитования ипотечных программ. Аникор-банк. Улица Нижняя Масловка, дом 8». Нда... И телефоны: 192-13-29 – домашний, 285-79-90 (92) – рабочий.

Надо, наверное, спустить в унитаз от греха подальше. Да и от портмоне избавиться. Но оно-то в унитаз, пожалуй, не пролезет. А в мусорную корзину бросать не стоит. Или все-таки пролезет? Рыбак выгнул портмоне, попытался еще раз сложить его пополам, но не вышло что-то мешало. Кожаное

портмоне перестало гнуться в какой-то момент.

Он разогнул его и еще раз осмотрел внутренности. Так и есть! В одном из отделений в глубине была маленькая «молния», из-за нее-то портмоне и не складывалось. Рыбак растегнул, залез туда двумя пальцами и вытащил порядочный рулончик зелененьких бумажек... Ну и ну.

Пересчитал. Тысяча четыреста тридцать долларов.

Он даже вспотел. Растерянно посмотрел на эту немалую в общем-то сумму, которую только что чуть не отправил в канализацию. Затем решительно разорвал визитку на мелкие клочки и в ту секунду, когда бросил их в унитаз, вспомнил, что есть у него один знакомый, частенько бывавший на Нижней Масловке. Тот самый, знакомый не знакомый, коллега не коллега, скорее наоборот. Да какая разница, что на Масловке...

Стоп.

А ведь он там, на Нижней Масловке, постоянно имел дела с каким-то банком. И наверное, не просто так, раз там у него был свой телефон.

Во времена предвыборной кампании в федерации Рыбак частенько с ним общался и созванивался по этому телефону... по телефону... Первые три цифры начинались на... 285, а потом еще 79. Значит, все-таки Аникор-банк.

И еще одно. Надо уйти наконец из центра, здесь слишком глазастая милиция, довольно частая проверка документов. Тем более с его-то видом. И так чудом пронесло – что в мет-

ро, что на стадионе.

Рыбак глянул на себя в витрину. Неопределенного цвета джинсовка, коротковатые штаны. Определенно стоит уехать подальше, на окраину, пересидеть до вечера в каком-нибудь кабачке, откуда не погонят. И еще неплохо бы решить проблему ночлега.

ГРЯЗНОВ

Они бездельничали и ждали новостей.

– Слава, ты всерьез на это рассчитываешь? – удивлялся Комиссаров. – Ты представляешь себе, сколько в Москве столовых, кафе, гостиниц, всяких ночлежных заведений, не говоря уже о магазинах одежды?! Здесь живет десять миллионов человек. И это все рассчитано на такое количество народу! А ты собираешься вычислить од-но-го, с помощью денег, которыми он будет расплачиваться. Это же абсурд.

– Не горячись. Во-первых, этот город рассчитан на гораздо меньшее число людей, чем десять миллионов, оттого-то здесь такая давка. Во-вторых, как раз исходя из этого факта, в Москве гораздо меньше всяких мест, где Рыбак может тратить деньги. Хотя их, конечно, все равно много. Но самое главное – в-третьих. Это то, что сегодня пятница и конец месяца. А это значит что? Это значит то, что выручка собирается и инкассаторы развозят ее по банкам. Так что все-таки эфемерная возможность зафиксировать появление патрушевских купюр все-таки есть.

Алина клацнула крышкой своего ноутбука и заявила:

– Я закончила.

Мужчины удивленно посмотрели на нее, не слишком понимая, о чем речь.

Алина чуть смутилась и добавила:

– Ну... свои психологические портреты... И могу теперь кое-что предположить.

– Ага, – оживился Грязнов. – Ну и как же будут действовать ваши «квадратные и лохматые», «тощие и вытянутые»?

– Из Москвы бежать не будут. Но и в центре сидеть не станут. С большей долей вероятности, нежели предпринимая какие-то другие действия, будут проводить время в пивных и барах, в пригороде. От полудня и по крайней мере до наступления темноты. Будут искать ночлег именно таким образом.

Грязнов и Комиссаров, не сговариваясь, скептически покачали головами.

– Какой же ночлег в баре?

Алина слегка покраснела и не успела ответить, потому что в этот момент ворвался Дятел и поднял большой палец правой руки:

– Вячеслав Иванович, он наш! Нашли. Местные менты, подмосковные, помогли.

У Комиссарова отвисла челюсть. А Грязнов просто сказал:

– Блестящая работа.

Дятел, не зная, что это относится целиком к Алине и реализации ее фантастического прогноза, просто просиял.

– Он подцепил девицу в баре. На Николиной Горе. Официантку.

– Молодец парень! – не удержался Грязнов и от похвалы

в его адрес.

– Чего – молодец? – удивился Дятел.

– Да это ты, ты молодец, оперативно сработал, давай дальше.

– Да нечего дальше. Потом она отпросилась с работы и забрала его домой. Около двух часов назад.

– Надо немедленно выяснить, кто ее соседи. Что за дом и кто в нем живет.

– Уже. На полкилометра кругом – никаких соседей. А дом этот – академика из НИИ Курчатова. Дамочка его только сторожит.

– Отлично. Ничего не предпринимать, пока мы не приедем рано утром. Будем брать тепленьким из постели. Всем переодеться в самые ветхие шмотки. У нас в МУРе есть секонд-хенд, американские копы целый контейнер притаранили. Одежда, джинсы старые и прочая мура. Мура для МУРа.

– Ну вот и для меня работенка найдется, – удовлетворенно отметил Федор.

Сказано – сделано.

В 5.35 утра в двух кварталах от дома академика из НИИ им. Курчатова, вычисленного пронырливым участковым, остановился неприметный «пазик». Из него вышли три человека и разбрелись в разные стороны. Все они смахивали на бомжей и никаких подозрений у случайного или намеренного свидетеля вызвать не могли. За исключением того, что бомжи не ездят на машинах. Ну а если автостопом? Нет, все-

таки вряд ли. Тем более что это были Грязнов со товарищи. Алина осталась в салоне. Все члены «группы обхвата» были радиофицированы, и Алина, находясь в машине, тоже могла слышать их переговоры.

Николина Гора, элитный дачный поселок, если и не отличалась особо целебным воздухом – все-таки почти Москва, – то по крайней мере свято хранила свое основное богатство – тишину. Лишь изредка робко покаркивали вороны, словно проверяя, насколько громко будут звучать их голоса.

Небо было совершенно чистое, но сероватое. И еще – очень свежо, все-таки всего лишь половина шестого утра.

Комиссаров подумал, что в его работе это самый главный плюс – необходимость и возможность ранних подъемов...

Итак, два «пьянчуги» враскачку переходили дорогу. Один из них поднял по дороге валяющийся штакетник. Другой,двигающийся вихляющей походкой, неожиданно произнес:

– Не забывай, что ты под градусом. Держись за меня, алкаш несчастный.

– Понял.

– И еще. Правило Комиссарова номер один не забыл?

– «Играй по правилам, и все останутся в живых».

– Годится. Ну ладно... Что-то мне домишко смутно напоминает, – пробормотал Комиссаров.

Двое стояли у окон.

– Тут есть черный ход? В любом случае нас подстраховывают с другой стороны улицы. – Группа спецназа МВД дис-

лоцировалась за двадцать минут до приезда Грязнова.

Особенно не размышляя, ногой высадив дверь, Комиссаров ринулся вовнутрь.

Боковым зрением он ощутил, как из спальни метнулась длинная тень. Вот только куда?

– Лежать! – орал Грязнов, врываясь в дом и стаскивая с постели на пол молодую женщину в пижаме со слониками. – Ложись сюда! Не двигаться. Руки вверх! Руки подними!

– Я здесь ни при чем! Я здесь ни при чем! – не переставая верещала женщина.

– Что-то мне домишко смутно напоминает, – бормотал Комиссаров, включая свет.

В соседней комнате раздался стук, шум, какая-то возня и, наконец, незнакомый голос завопил:

– У меня заложник. У меня ваш парень, ваш парень у меня, слышите? И теперь я сматываюсь! Ваш парень со мной, и он заложник, вы уроды! И я ему выпущу мозги, если не дадите уйти!

Все это время женщина скулила не переставая.

– Лежать молча! – коротко рявкнул Грязнов, и она заткнулась.

– Мы можем договориться, – не слишком успокаивающим тоном заверил Комиссаров.

На что же все-таки похож этот домишко?... Фу ты, черт, что за ерунда. И тут Комиссаров вспомнил! Дача знакомого чиновника из ФСБ. Можно было бы подумать, что не туда

и попал, когда бы тот дом не находился в Зеленограде. Но фасад, планировка прихожей, гостиная – один в один. Помнится, там из кухни было два выхода – в гостиную и в душевую. А душевая... Вот черт, да в нее же можно забраться с улицы. Комиссаров выскочил из дома.

– Эй, вы там, слышите? – орал тем временем мужик. – Мне нужна эта... дайте мне... – Похоже было, что он еще не решил, что именно потребовать. – Дайте мне машину. Машину! Машину мне!!!

А вертолет не желаешь? Комиссаров, ступая с пятки на носок, вышел через кухню и чуть не столкнулся с преступником. Перед ним был широкий затылок сбежавшего заключенного. Отъявленного убийцы. Взявшего в заложники молодого парня, напарника и друга Комиссарова.

Комиссаров быстро поднял руку и положил палец на крючок.

Зек, каким-то звериным чутьем ощутив дуновение воздуха у себя за спиной, резко повернулся, заслонился заложником и выбросил вперед руку с укороченным «калашниковым».

Комиссаров два раза подряд нажал на спуск.

Прозвучали два быстрых выстрела.

Интересно было бы, если бы не прозвучали, пронеслось у него в голове.

Беглый зек, бессмысленно открыв рот, грохнулся на пол, подминая под себя Дятла. Члены «группы обхвата» броси-

лись ему на помощь.

Комиссаров посмотрел на мертвого зека Федоренко и пошел прочь. К машине.

Грязнов посмотрел ему вслед и увидел, как через пару шагов Комиссаров нашарил в кармане плоскую маленькую фляжку и сделал из нее пару глотков. Вот теперь он был вылитый бомж.

РЫБАК

Он уже видел свое лицо в газетах и по телевидению. Его показали миллионам людей и называли убийцей и негодяем. А разве это не так, спросил он себя, разве не ты сам во всем виноват? Разве не ты – причина смерти Марины? Разве не ты – приговоренный преступник? Разве не ты с остервенением борешься за свою постылую жизнь и ненужную свободу? Разве не ты убьешь всякого, кто попытается встать на твоём пути?

Ты.

Пусть так...

Зато теперь он был готов к боевым действиям. Тем более что эта война была объявлена не им. Но теперь его очередь делать следующий ход.

Ход оказался тривиальным и внешне совершенно безобидным. Рыбак зашел на почту, купил конверт, взял бланк для телеграмм и написал на нем лишь два слова. «Я знаю». Вложил бланк в конверт, заклеил и поехал на Арбат.

Он собирался вывести из равновесия своего противника. Он хотел заставить его нервничать. Он хотел поймать его за руку. Но если бы он знал, что за этим последует, то, возможно, поступил бы совершенно иначе. Но он думал, что знает, кто его противник.

И скорей всего, он был прав.

Часть вторая.

ПЕРВЫЙ ТАЙМ

«В Копенгагене команду нашу поселили в небольшом отеле „Абсалон“. Утром, часам к восьми, сделав зарядку в ближайшем парке, мы вернулись в отель и сразу же, еще в спортивных костюмах, позавтракали, восхищаясь обилием датских бутербродов, джемов, кофе и сливок. Шведского стола – минут через пятнадцать – как не бывало. Пополудни разразился скандал. Оказывается, 16 игроков нашей команды съели завтрак, приготовленный на 90 человек, проживавших в отеле. Принимающая сторона долго не могла рассчитаться за легкий завтрак футболистов».

Александр Ткаченко, «Футболь!»»

ТУРЕЦКИЙ

– Мужчина, вы не стеклянный.

Турецкий обернулся. За длиннющим полупустым столом в гордом одиночестве посиживала странная дама и потыкивала его вилкой пониже спины. Очевидно, у нее был такой способ знакомства, поскольку наблюдать за феерией, разворачивающейся в зале ресторана «Прага», он ей совершенно не мешал.

А по залу носилась юная звезда эстрады в огромных спортивных трусах, ботсах и маленьком-маленьком топике и пела о несчастной заплаканной девочке Тане, которая уронила в речку мячик. И как бы в подтверждение того, что надувные предметы и в наше тяжелое время все еще обладают положительной плавучестью, звезда таскала между столами совершенно гипертрофированный футбольный мяч и пикантно оттопыривала зад, провоцируя зрителей.

– Может, присядете все-таки?

Турецкий присел, хотя мог бы повернуться и уйти, или продолжать стоять, или присоединиться к спонтанно зародившемуся хороводу, в котором солидные вроде бы дяди вприпрыжку носились по залу, мог бы вообще сюда не приходить. После напряженного рабочего дня мог бы вернуться в теплое лоно семьи или, что еще лучше, посидеть с хорошим человеком за бутылочкой коньяку, тоже неплохого. Но

раз уж оказался в этом содоме, почему бы и не присесть. А все потому, что поддался на уговоры этого самого хорошего человека. Пойдем да пойдем, совместим приятное с полезным... коньячок, девочки, расслабимся, оттянемся...

Однако расслаблялся, оттягивался и совмещал приятное с полезным только инициатор этого похода Вячеслав Иванович Грязнов, увязший в поисках Рыбака настолько, что создавалось впечатление, будто ему доставляет удовольствие сам процесс. Еще бы: трется с футбольными знаменитостями вроде и по делу, а с каждым в обнимочку, с каждым на брудершафт, только лучшего друга бросил, как говорится, на произвол судьбы. Правда, Славка уверял, что здесь он не просто так, здесь он по наводке своего личного психолога с голубыми глазами, составляющего нетрадиционную ориентировку на беглого зека.

– Скучаете? – Рот дамы растянулся в хищноватой, тонкой улыбке.

Турецкий не ответил, хотя, конечно, скучал. Он вообще редко получал удовольствие от банкетов и светских раутов, и это всемосковское сборище футболоманов, футболофилов и футболомейкеров не стало исключением.

Праздновали день рождения главного тренера российской сборной Катаняна. Дата как бы и не круглая – пятьдесят два, но захотелось кому-то всенародно напомнить, что футбол-то в России еще не умер, вот и придумали как бы юбилей: Катанян – сорок пять лет с футболом и тридцать лет в сборной.

Турецкий с Грязновым приехали к концу торжественной части, тогда Турецкому еще было хорошо, зато было плохо всем остальным. Все были трезвыми и мрачными. Футболисты не пили, поглядывая на бдительных тренеров, тренеры не пили, чтобы эту бдительность не утратить, подруги и жены и тех и других не пили, поскольку не пристало дамам быть пьянее кавалеров, в результате все многочисленное разнообразие спиртного досталось малочисленной группе гостей, к футболу имеющих весьма отдаленное отношение, которые тоже пили мало, потому что не напиваться же, в конце концов, они сюда пришли.

Грязнов сразу же умчался, завидев нужных ему людей, и его пегий затылок замелькал где-то у входа в мужской туалет. Очевидно, он разумно предположил, что, чем гоняться за каждым в отдельности, гораздо мудрее устроить глобальную западню, к тому же человек, спешащий на толчок, вряд ли станет растекаться мыслью по дереву, да и эмоции в такой момент уходят из-под контроля владельца.

Турецкий с некоторой брезгливостью отметил, что футбольные боссы и прочие важные чиновники, имиджа ради благосклонно относящиеся к спорту, чинно и отдельно восседали за двумя столами, составленными буквой "Г". Чиновники были деловиты, словно на работе. У них без конца звонили мобильные телефоны, и официанты даже приносили им какие-то записки или письма. Нет, справедливости ради нужно было заметить, письмо было только одно...

Наконец кто-то сказал, что для перемены настроения нужно, как в семейной жизни, переставить мебель. Стали отодвигать столы, чтобы освободить пространство для странных телодвижений, именуемых у этой публики танцами, и участь эта не миновала даже чиновников.

Затем как-то незаметно и постепенно обстановка разрядилась, контроль ослаб, и все вдруг как-то разом нажрались до чертиков, под аккомпанемент вечно юных попсиюков и попсиючек.

И только Турецкий бродил как неприкаянный, не зная, куда приклонить свою буйную усталую головушку, явно чужую на этом празднике жизни.

– Выпьем? – незнакомка подвинула к нему высокий фужер с водкой и большое блюдо с заветрившимися уже бутербродами.

Турецкий посмотрел на потрескавшуюся ветчину, и стало ему ее жаль. Выпили не чокаясь, как на поминках. Незнакомка-то незнакомкой, однако Турецкий не мог отвязаться от мысли, что где-то ее уже наблюдал. Впрочем, когда дело касается женщин, подобные мысли размножаются как микробы. Так или иначе, он закусил это дело упомянутой ветчиной.

– Наталья, – представилась дама.

Турецкий сообразил, что надо отреагировать.

– Никогда не мог понять, – сказал он, – как правильно пишется: «Наталья» или «Наталия»?

Дама слегка округлила глаза:

– Честно говоря, понятия не имею.

– Как же так? – вполне искренне расстроился Турецкий. –

Собственное имя – и не знаете...

– Это старая фишка. Еще с Раневской была такая история.

– Сомневаюсь, – пробурчал Турецкий. – Что-то сомневаюсь, чтобы она сомневалась по поводу собственного имени.

Дескать, Наталья я или Фаина?

– Да нет, там другая история была. У нее какая-то поклонница попросила номер телефона. А она говорит: «Милочка откуда, я знаю?! Я его просто не помню. Я же сама себе не звоню».

Как Турецкий ни сдерживался, но все же захихикал.

– Вот так и я. К себе не по имени обращаюсь. А впрочем, можно же и просто Наташа. Наташа Grimm. Это фамилия такая, – объяснила она в ответ на удивленно вздернувшиеся брови Турецкого. – «Бременские музыканты»? Слышали наверно, это мои прадедушки...

– Которые из пяти?

– Авторы, авторы, сообразительный вы мой. Братья-сказочники.

– Тогда Александр. Турецкий. Это тоже фамилия.

– Выпьем за фамилии?

Выпили за фамилии, но безо всякого удовольствия – теплую водку да без горячей закуски. Как алкоголики-извращенцы.

Наташа Гримм была особой неординарной. Она, пожалуй, единственная в этом зале из дам «до сорока пяти» не принимала участия в соревновании «на ком меньше шмоток». Поскольку надета на ней была довольно длинная юбка и что-то большое и мохнатое вроде свитера – все эти новомодные названия типа пайты, сайты, гольфы и прочую лабуду Турецкий не знал и знать не желал. И под этим чем-то мохматым угадывалась вполне и вполне достойная созерцания фигура, которую в отдельных ситуациях не грех и продемонстрировать. Остальное – это главным образом большие, в пол-лица, затемненные очки, черные с красноватым отливом волосы и хищная все-таки улыбка.

Водка, хоть и теплая, сделала свое черное дело: Турецкий отогрелся душой, и мир вокруг изменился в лучшую сторону. Мысль вдруг стала отчетливой и прозрачной как слеза. Турецкий понял, что Фаина Раневская – великая актриса, а футбольные тусовщики – просто несчастные люди.

И даже Наташа показалась вполне перспективной и даже не только для плясок под «На-На». Ее тоже, оказывается, бросил дружок – затащил, усадил и убежал.

По этому поводу немедленно выпили за верность. Потом за ревность. И наконец, за вредность.

И уже совсем было собрались сходить потанцевать, но тут, как джинн из бутылки, из толпы выпрыгнул Грязнов и, выхватив стул из-под боевого товарища, закричал пьяно и противно (так, во всяком случае, показалось тоже нетрезвому

Турецкому):

– Пойдем, старик, я тебя с та-а-акими людьми познакомлю!

К «та- а-аким» людям не дошли -Грязнов отвлекся на мелькнувшую чью-то до боли знакомую спину и с криком «Ща!» убежал таранить хоровод.

Турецкий снова остался один и опять почувствовал себя трезво и гадко, тем более что Наташа зависла на лысом пиджоне в бабочке и очках. Лысый был лысым совершенно: выше бровей ни одной волосинки, ни намека на волосинку.

А Грязнов нашелся в компании молодых атлетов, оравших вразнобой «Под крылом самолета». Турецкий совсем затосковал.

– Слава, домой поедем?

– Саня, садись, давай лучше выпьем. – Про «та-а-аких» людей он уже забыл, а возможно, это они и были.

– Поехали.

Грязнов мучительно и долго собирался с мыслями и, наконец, выдал:

– Компромисс! Как у Довлатова. На, бери ключи, заводи, а я только допою и – как штык уже с тобой. О'кей?

Турецкий выбрался на улицу, проклиная себя за то, что общению с дочерью, которое в его внутреннем рейтинге было неизмеримо выше даже приговаривания любимого коньяка «Хеннеси», он бездарно предпочел посиделкам в арбатском ресторане.

Накрапывал мелкий такой, противный дождичек, по асфальту стелился низкий белесоватый туман, было холодно и мерзко. До стоянки бежал вприпрыжку, чтобы согреться. Фонари не горели и грязновскую «Ниву» нашел с трудом.

Но тут ждала новая неприятность: «Ниву» с двух сторон окружали два джипа, «чероки» и «лендрровер». Причем они стояли впритирочку, настолько близко, что дверцы грязновской машины не открывались! То есть руку в салон засунуть еще можно было, но остальное никак не проходило. Ей-богу, хоть на потолке люком обзаводись!

Чертыхаясь, Турецкий огляделся: никого, все как повымерли. И конечно, никакого Грязнова. Он либо не слишком торопится, либо вообще забыл, что пора двигать. Либо помнит, но не собирается, что самое вероятное.

Вытолкать ее, что ли? С трудом дотянулся, снял с ручника. Упираясь руками в капот, поднатужился. Но «Нива», сдвинувшись сантиметров на пять, бамкнула в очередную преграду – сзади пристроился еще один джип.

Вот же сволочи, сбил бы его бампер, к черту, так поди сбей! У джипа его самосвалом мять надо, а не грязновской старушкой – она сама после памятной встречи с министерским «кадиллаком» скорее развалится. А козлы автомобилисты из бандитских джипов надрались небось как свиньи, поди их найди теперь.

Турецкий вспомнил, как когда-то, в бурной юности, шутили с друзьями. Вреднющий кляузник сосед держал во дво-

ре свой горбатый «Запорожец», и они вчетвером отнесли его на руках, и задвинули между двух тополей, так что ни выехать, ни вывернуть. Вышел соседушка во двор, глянул на любимого стального коня – так и сел на задницу. Ходил вокруг него, сокрушался, материл всех почем зря, даже в милицию бегал, а что милиция – посочувствовали и разошлись восвояси. А вынимать-то машину надо, не ржаветь же ей веками, пока тополя сгниют, а тополя толстые были, могучие. Вынес мужик пилу – и давай наяривать. Наяривал, наяривал – и в результате за пятьдесят рублей (деньги-то по тем временам немалые!) уговорил тех же друзей-злодеев, получавших немалое удовольствие от этой картины на ближайшей лавочке, совершить операцию обратного выноса любимого авто на руках. Как говорится, не плюй в колодец – вылетит, не поймаешь.

Турецкий тоскливо огляделся еще раз. О! Вроде бы фигура под фонарем нарисовалась. Подбежал к ней скорее, пока не растаяла под дождем:

– Простите, вы мне не поможете?

Парень под фонарем, нет, скорее, мужик, бородатый, здоровый, но замученный какой-то и такой мокрый, что с ресниц капает, передернулся весь от этого «простите» и почему-то отошел в тень.

– Что?

– Вы парковщик? – проорал ему в ухо Турецкий, и крик этот эхом разнесся по безлюдной стоянке.

– Парковщик? – снова переспросил тот и еще больше задвинулся в тень.

– Я выехать не могу, меня со всех сторон приперли.

Мужик внимательно оглядел Турецкого и сказал:

– Кто припер-то? Вроде я не вижу никого...

– Да вы что, издеваетесь, – взвился следователь Генпрокуратуры, привыкший сам вести допрос. – Машину мою приперли, не выехать никак!

– А... Так бы сразу и сказали. Конечно. Вы подождите тут, я сейчас... – Он, пятясь, отступил на несколько шагов и, повернувшись, бегом понесся ко входу.

– Эй, так куда же вы? – совершенно поразился Турецкий.

– Ключи принесу. От этих джипов.

Ладно, подождем. Турецкий забрел под навес, подождал. Закурил, пытаясь отвлечься от сырости. Хмыкнул, пытаясь вспомнить, какие считалки использует дочь Нинка в ситуациях вынужденного ожидания... Нужно что-то тематическое, соответствующее моменту. Что она там такое выдавала в поликлинике, в очереди к врачу... А, вот!

Ехал мужик по дороге,

Сломал колесо на пороге.

Сколько гвоздей -

Говори поскорей!

Каких гвоздей?! Может, это к тому, подумал Турецкий, что, когда я наконец отсюда выберусь, выяснится, что мне, то есть Грязнову, шину прокололи. Нет, лучше что-нибудь

жизнеутверждающее... А что Нинка, коза эдакая, говорила в кино, перед началом сеанса...

Жаба прыгала, скакала,

Чуть в болото не упала.

Из болота вышел дед -

Двести восемьдесят лет.

Раз, два, три,

Это, верно, будешь ты!

Да уж, жизнеутверждающее... А что она такое бормотала у матери, у бабушки то бишь?

В гараже стоят машины:

«Волга», «Чайка»...

Нет! Пусть будет -

В гараже стоят машины:

«Волга», «Нива», «Жигули».

От какой берешь ключи?

Отлично! От «Нивы» беру.

Но Турецкий докурил уже вторую сигарету, а парень так и не появился. Дождь между тем, надо сознаться, лил уже немилосердно.

Да пошли вы все, осточертело!

Он снова открыл дверцу грязновской «Нивы», влез рукой, выдернул с заднего сиденья свой плащ, а ключи повесил на руль. Угнать не угонят, а грабить все равно нечего. Пейджер, который Грязнов уговорил оставить, чтобы не отвлекали, правда, так у него в бардачке и остался, ну и черт с

ним. Хорошо хоть, деньги в кармане и метро еще работает.

Когда промокший, замерзший и злой Турецкий добрался наконец до дома, было уже около полуночи. Света в окнах родной квартиры не было, то есть его уже не ждали. Подумаешь, не очень-то и хотелось. Зато не придется ничего объяснять: почему Славка не подвез, почему мокрый, почему грязный... Можно спокойно отлежаться в горячей ванне, чайку попить... Заходил на цыпочках, стараясь не нарушить покой сонного женского царства. На телефонном столике в прихожей горела лампа, под ней записка:

"1. Если ты это читаешь, а не говоришь со мной, значит, опять приехал поздно. Я возмущена! Подумай о дочери, наконец.

2. Звонил Грязнов. Сказал, что видел Меркулова и Костя велел тебе срочно позвонить в гостиницу «Олимпия». Больше ничего не объяснил, сказал, тебя там встретят и просветят".

– Сказочник хренов, – тихо ругнулся Турецкий.

Про Меркулова Грязнов, конечно, наврал, наверняка с новыми знакомцами поехал продолжать гульбище. Ну и флаг ему в руки, большой и красный. Навеселились за сегодня, достаточно. И место, главное, выбрал подходящее: известный притон измайловской братвы, да и просто штаб-квартира тамошних путан.

Турецкий, прихватив огромную кружку дымящегося чая (суданская роза с плодами шиповника, заваривать 7 минут),

погрузился в дымящуюся же ванну...

И почти сразу потерял ощущение времени... Большой пузырь пены странным узором напоминал футбольный мяч...

Похорошело, разморило, захотелось спать. Но конечно, и сны сегодня были поганые. Это же надо: даже во сне звонит телефон, к которому надо немедленно подойти, зараза такая! Турецкий вздрогнул от этого и пролил на себя чай. Подпрыгнул как ужаленный, но больше от испуга, потому что чай оказался холодный. Вода в ванне тоже совершенно остыла... Странно, очень странно.

Турецкий наконец совершенно проснулся и сообразил, что телефон звонит самым натуральным образом и в самом реальном времени. Идти не хотелось, но пришлось: проснется Ирина, хуже будет. Ну, если опять Славка!... Додумать страшную месть не успел, босиком попрыгал в прихожую.

Звонил Меркулов:

– Где тебя носит?

– По морям, по волнам, – хмуро пропел Турецкий.

– Я уже час с телефона не слезаю. На пейджер тебе раз пять звонил. Давай срочно в гостиницу «Олимпия».

– Брось, Костя, я спать хочу.

– В машине поспишь, спускайся. – Меркулов явно не шутил.

– Да что стряслось-то? – зло спросил Турецкий, все еще надеясь, что ничего особенного.

– Труп как раз по твоему профилю. И я хочу, чтобы ты

заялся им немедленно. – Последнее слово из уст обычно интеллигентного и деликатного Константина Дмитриевича прозвучало неестественно резко.

– А до утра подождать нельзя? – не соблюдая субординацию, тоже рявкнул Турецкий, бросил косой взгляд на часы и чуть не упал. 9.30!

Но предусмотрительный зам генерального прокурора уже повесил трубку. Турецкий тоже шмякнул свою. За время разговора на полу, под ногами образовалась противная лужа. Снова стало холодно. Да, день определенно не сложился.

Но почему в половине десятого утра Ирка спит как ни в чем не бывало?! Турецкий заглянул в спальню и обомлел. Кровать была аккуратно застелена, а Ирина Генриховна отсутствовала, то есть, вернее, определенно уже пребывала на работе. А Нинка соответственно – в школе. Отомстили, значит. Не отреагировали на храп из ванной.

Вот ведь черт, сколько же времени он, таким образом, провел в совершенно холодной ванне?! Так недолго и моржом заделаться.

В пятьсот пятом номере эксперты уже складывали свои чемоданчики, фотограф поспешно доклацывал пленку, на полу у входной двери, на красном ковровом покрытии, обозначился меловой контур. Тело уже увезли.

Судя по очертаниям, мужчина, довольно высокий, лежал ногами к выходу – нормальный законопослушный покойник. Следов крови не наблюдается, зато следы борьбы присут-

ствуют: разбитая бутылка, перевернутое кресло. Номер люкс – очевидно, товарищ не бедствовал. Шкаф открыт, вещей нет, скорее всего, только въехал, а возможно, и вовсе жить здесь не собирался, снял на ночь, о чем красноречиво свидетельствуют ажурные трусики на двери в ванную. И что дальше? Ничего.

Однако, если не дают спать «важняку» Турецкому, следует предположить, что этот донжуан либо кто-то из наших сильно власть имущих, либо иностранец. Турецкому надоедо наконец подпирать косяк и заниматься дедукцией.

– Меня кто-нибудь просветит насчет случившегося?

Медэксперт, с сизой щетиной на подбородке – тоже, очевидно, из постели вытащили, – на удивление сделал это весьма охотно:

– Убитый – некий Штайн. Как следует из документов, у него изъятых, гражданин Германии. – Эксперт засунул в рот маленький леденец.

– Дальше-то что? – не выдержал Турецкий.

– Чиновник ихнего МИДа.

– Немецкого?

– Немецкого. Смерть наступила вчера вечером где-то от девяти тридцати до десяти тридцати...

Турецкий насмешливо присвистнул и на цыпочках прогулялся по комнате, стараясь ничего не задевать и не касаться.

– Точнее – только после вскрытия. Причина смерти – перелом шейных позвонков. С ним была дама, которая, оче-

видно, видела и сможет опознать убийцу, она-то и подняла тревогу, однако впоследствии скрылась в неизвестном направлении. Все, что находилось при нем, ребята уже обработали на предмет дактилоскопии, так что можешь не осторожничать. Вот, собственно... Да, там где-то еще бродит немецкий консул, его твой оруженосец развлекает.

– Какой оруженосец? – немедленно отреагировал Турецкий, уже догадываясь, что день грядущий подложил ему новую свинью. И не одну.

– Смышленный парень, да вон он, легок на помине.

В номер решительно шагнул круглолицый серьезный молодой человек. Турецкий вспомнил, что видел его мельком в коридорах родной конторы, но ни имени, ни должности не знал и уж тем более в собственные оруженосцы не записывал.

– Александр Борисович, я Артур Сикорский. Константин Дмитриевич откомандировал меня в ваше распоряжение, – представился «оруженосец», ненавязчиво так упирая на собственную фамилию, как будто она сразу все объясняла.

И Турецкий действительно кое-что вспомнил: Сикорский – это, кажется, авиаконструктор такой, вроде американский, хотя на самом деле русский. А еще генерал Сикорский, большая шишка в МВД, а это, стало быть, отпрыск знаменитого рода. Да, удружил Костя, делать больше нечего, как носы подтирать мажорам-недорослям.

– Соберите всех свидетелей, добудьте мне пленку от ка-

меры наблюдения в холле и успокойте пока консула, – распорядился Турецкий, мысленно репетируя взбучку, которую он устроит Сикорскому, когда тот все вышеперечисленное перепутает и напортачит. А иначе ведь и не бывает.

– Уже сделано, – невозмутимо ответил Сикорский.

– Что сделано?

– Все. Непосредственно убийства никто не видел, но всех потенциальных свидетелей я собрал внизу и предварительно уже опросил.

– Гм. А...

– Пленку тоже изъял, даже две, поскольку в двадцать часов ее меняли, а убийца мог появиться раньше этого времени.

– Так. Ну а...

– Консул в номере для особо почетных гостей угощается коктейлем за счет заведения.

– Ладно, – наконец членораздельно буркнул Турецкий, перебирая предметы, изъятые у покойника. Хотя, если честно, парень для новичка проявил себя совсем недурственно.

Среди вещей не оказалось ни наркотиков, ни оружия. Обычный джентльменский набор: носовые платки – три, зажигалки – две, сигары «Маканудо» – три, фляжка карманная с коньяком – одна, ключ от номера, презервативы – упаковка, пузырек с таблетками ношпы, полотняный мешочек на цепочке – ладанка с надписью по-русски: «Трава с Вальпургиевой горы», паспорт, визитки, пластиковые кредитные

карточки, фотография убитого с девушкой в белом и огромной собакой на фоне домика в горах, бумажки с какими-то пометками, денег нет – что странно.

В ванной оказались отдельные детали и предметы женского туалета, которые в совокупности составляли весь наряд от трусиков до пальто. Только обувь отсутствовала.

– А в чем же она ушла? – озадаченно поинтересовался Турецкий, еще раз в уме последовательно надевая покинутые вещи на воображаемую женскую фигуру.

– В костюме Евы, – гоготнул кто-то.

– Да уж не Адама.

– Я отчаливаю. А на прощанье – подарок от фирмы, – мед-эксперт засунул в рот очередной микроледенец, сделал Турецкому ручкой, покидая номер, – даю бесплатный совет. Ты этого консула сюда-то не впускай, а еслипустишь, то хоть дверь оставь открытой.

Турецкий огляделся в поисках чего-то жутко для немца оскорбительного и осмыслил совет, только прикрыв дверь. Вся она со стороны номера была изрисована разнокалиберными свастиками, причем рисовали не мелом, не краской, а натуральной кровью.

У Турецкого пересохло в горле. А Сикорский пристроился в уголке и сидел себе тихонько, то ли наблюдая за работой великого гения сыска «важняка» Турецкого, то ли в ожидании дальнейших распоряжений. Но независимо от причины Турецкого это нервировало. Сопляка необходимо было

срочно наказать.

– Ваша версия случившегося, – сурово спросил следователь в надежде, что мальчик-мажор спасует, растеряется, промямлит что-то несурзное и таким образом будет поставлен на место.

Однако его опять постигла неудача, мажор не спасовал:

– Первое: убийство с целью ограбления. В пользу этой версии отсутствие денег и, возможно, других ценностей: часы, кольца, булавки для галстука, запонки и прочие предметы, могущие представлять интерес для грабителя, не наблюдаются, и пока никто из свидетелей не смог вразумительно ответить, были ли они на Штайне при появлении его в гостинице. Тем не менее трудно предположить, что грабитель стал бы убивать свою жертву, поднимая шум и рискуя быть пойманным с поличным. Графика на двери также в эту версию не вписывается. Второе: убийство на почве ревности или мести. Возможно, Штайн был ловеласом и в принципе мог серьезно оскорбить чьи-то чувства, но ни свастика, ни отсутствие денег в эту версию не вписываются. Третье: убийство как акция привлечения внимания общественности к какой-либо экстремистской организации неонацистов, небольшевиков, неочерносотенцев или других неордикалов, тогда свастика к месту, но деньги они бы брать не стали. Четвертое: ритуальное убийство – свастика как кабалистический символ, и сектанты могли взять деньги, но маловероятно, чтобы гражданина Германии стали преследо-

вать сектанты в России...

Турецкий почувствовал, что у него начинает болеть голова. А вот Сикорский был свеженький как огурчик:

– И пятое: заказное убийство – модус операнди не подходит, ограбление не вписывается, оставленная в живых свидетельница не соответствует, свастика тем более не укладывается в схему. Но Штайн мог быть заказан, а значит, исполнитель либо дилетант, который все испортил, либо профессионал, который сделал все, чтобы у нас и мыслей о заказном убийстве не возникло.

Турецкий снова вынужден был про себя признать, что работа мажора достойна похвалы. И снова от похвалы воздержался, а вслух сварливо заметил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.